

Вета Лиор

Сердце дракона

Вета Лиор
Сердце дракона

«Автор»

2026

Лиор В.

Сердце дракона / В. Лиор — «Автор», 2026

Очнуться в чужом мире, поступить в магическую академию и влюбиться в дракона? Легко! Вот только этот дракон — мой инструктор, и он делает всё, чтобы держаться подальше. Я — Лара, обычная девушка, которая внезапно стала попаданкой в мир магии. Здесь учатся управлять стихиями, варят зелья и... живут драконы. С виду красивые, холодные и недоступные. Особенно один из них. Он смотрит на меня так, будто я одновременно и награда, и проклятие. То прожигает взглядом, то исчезает при моём приближении. Я не понимаю, что между нами. Зачем эти взгляды, если он не подходит? Зачем эта близость, если завтра он снова станет чужим? Но на выпускном балу всё меняется. Один поцелуй в тени старого дуба — и мир рушится. На академию нападают драконы, и я узнаю страшную правду: Нарван — не просто инструктор. Сможет ли наша любовь выжить? И что делать, когда понимаешь, что готова сражаться за него, даже если это стоит жизни?

© Лиор В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вета Лиор

Сердце дракона

Пролог

Меня зовут Лара. Точнее, Лариса – так меня нарекла родительская воля, и почти всю свою жизнь я ненавидела это имя. Оно казалось мне слишком длинным, слишком правильным, слишком *чужим*. В школе я узнала, что его можно обрезать до звонкого и стремительного «Лара», и на этом мой внутренний бунт на время утих. Так мне стало спокойнее.

Я всегда была тем самым «активным ребёнком», за которым нужен глаз да глаз. Родителям здорово доставалось: отвернуться на секунду – и я уже удираю во двор, к заборам и деревьям, которые манили куда сильнее, чем стены дома. Друзья у меня были, в основном, мальчишки – с ними было проще лазить по стройкам и гаражам. Мама, закатывая глаза, сокрушалась: «И в кого ты такая бешеная, а? Вон, сестра твоя – девка как девка. А ты? Ну, чистый сорванец!» Я лишь пожимала плечами, и мы улыбались друг другу – какое-то негласное перемирие между двумя разными мирами.

После школы выбор был очевиден – направление туризма. Работа, которая не загонит в четыре стены, а распахнёт весь мир. Новые места, новые лица, абсолютная свобода – это был мой кайф. Чтобы его финансировать, в свободное от учебы время я выжимала из себя все соки, работая баристой в кофейне с умным графиком и хорошими чаевыми. Билеты, хостелы, дорога – всё оплачено собственными силами, и в этом была моя гордость.

И вот, до заветных каникул – неделя. До моей новой поездки, на которую я, обычно решительная, долго не могла отважиться. В Карпаты. Горный хребет, обросший легендами, как мхом старые валуны.

И странно – у меня, не из робкого десятка, появился лёгкий мандраж. Даже сны начались, будто из дешёвого фэнтези: затуманенные леса, тропы, теряющиеся в тумане, и навязчивое чувство, будто я что-то забыла, что-то должна вернуть. Смешно, конечно. Что я там, в конце концов, обнаружу? Может, встречу ту самую бабу-ягу из сказок?

Но под этой иронией пряталось другое, глубинное ощущение – будто меня не просто тянет в горы. Будто горы сами ждут меня. И это пугает больше, чем любые сказочные страшилишки.

Глава 1

Я проснулась от надоедливой мелодии будильника. Интересно, я когда-нибудь буду просыпаться по своему желанию, а не по его приказу? Повалилась еще минут пять, заставляя себя встать, и потянулась в душ. Нужно было немного помочь себе раскачаться. Уснуть добрую часть ночи мне так и не удалось – я вся была в предвкушении, и это сыграло против меня.

Приняла душ, умылась, почистила зубы и, завернув волосы в полотенце, пошла на кухню налить себе кофе и сделать пару бутербродов. Включила чайник, стала нарезать колбасу. Пока возилась с завтраком, чайник уже вскипел. Налила себе чашку кофе и, довольная, уселась поближе к окну. Наслаждаться июньским солнышком – еще не таким жарким, но уже прилично согревающим.

Люди внизу уже сновали туда-сюда. Кто-то на работу спешил с недовольным лицом, а кто-то в аллее выгуливал собачек. «Вот тоже мне радость, – подумала я. – Завести собаку, чтобы потом вставать каждый день в такую рань и в любую погоду тащиться на улицу». Поэтому в моем доме нет, и никогда не было животных. Мне, словом, не до них.

Допив последний глоток горьковатого кофе, я отнесла чашку к раковине и направилась сушить волосы. Это был тот самый ежедневный ритуал, к которому я относилась со смесью легкой досады и привычной покорности.

Природа, надо отдать ей должное, меня волосами не обделила. Напротив, она одарила с избытком, и расплачиваться за это приходилось временем. Мои волосы, цвета темной ночи, были густыми и тяжелыми. Они спадали чуть ниже лопаток волной, которую нельзя было назвать ни прямой, ни кудрявой – это были упрямые, живые волны, появляющиеся сами собой после мытья и жившие по своим законам. Из-за этой естественной текстуры я почти никогда не тратила время на укладку – фен и круглая щетка были бесполезны против их своенравности. Максимум – я могла взбить их руками, дав высохнуть, и получить эффект «только что из моря», что меня в принципе устраивало.

Но главным моим спасителем был обычный резиновый жгут. Я почти всегда ходила с хвостом – высокой, тугой «ленточкой» на макушке или низким, собранным у затылка. Эта привычка уходила корнями в детство, в дворовые баталии, лазанье по деревьям и гонки на велосипеде. Распущенные волосы были предателями: они лезли в глаза в самый ответственный момент, цеплялись за ветки, наматывались на руль. Собранные волосы – это была свобода, гарантия, что ничто постороннее не помешает движению. И эта детская логика прочно въелась в меня, став частью образа.

Подойдя к зеркалу, я расчесала мокрые пряди, чувствуя, как их вес тянет голову назад. Влажные, они казались на тон темнее и лежали тяжелым, шелковистым плащом. Я собрала их в привычный высокий хвост, несколькими точными движениями лишив себя всего этого объема, но обретя ощущение чистоты линий и готовности к действию.

Зеркало отражало не только прическу. На фигуру я, в общем-то, тоже не жаловалась. Природа и тут оказалась достаточно щедрой, выдав то, что в обществе принято называть «мечтой» или «стандартом»: 90-60-90. Стройная, с четкими линиями, без лишнего, но и без излишней худобы. Это было просто данностью, как цвет глаз. Но именно эта данность в подростковые годы стала незримой стеной. Все мои друзья-мальчишки, с которыми я лазила по гаражам и гоняла мяч, одна за другой разбивались о скалы внезапно нахлынувшей юношеской влюбленности. Их взгляды становились странными, движения скованными, а предложения «пойти погулять» – двусмысленными. А мне это было не нужно. Совершенно. Во мне не просыпалось в ответ ни трепета, ни желания соответствовать чьим-то романтическим ожиданиям. Мне было интереснее обсуждать маршрут похода, чем слушать вздохи под луной.

И эта позиция не изменилась. Потребности в парных отношениях у меня так и не возникло – в них я видела скорее обузу, ограничение моей свободы, бесконечные компромиссы и трату времени на выяснение чувств. Я замечала на себе косые взгляды одноклассниц – не злые, а скорее непонимающие, с легким оттенком подозрения. «Ты что, цену себе набиваешь?» – читалось в них. Или: «Наверное, она просто слишком себя мнит». Раньше это могло задеть, вызвать желание оправдаться, крикнуть: «Да нет же, я просто другая!» Но со временем пришло равнодушие. Что толку оправдываться? Пусть думают что хотят. Их представления о счастье, любви и предназначении девушки были для меня чужим языком. У меня были другие интересы: карта мира, трекинговые ботинки, вкус ветра в горах и чувство, что за поворотом тропы ждет что-то, что принадлежит только тебе. И все это не требовало присутствия кого-то рядом на правах «второй половины». Моя жизнь и так была цельной, и хвост на макушке был ее лучшим символом – все собрано, все на своих местах, ничто не мешает движению вперед.

Проверила еще раз чемодан и сумку. Я улыбнулась услышав шаги на лестничной клетке – это мама вернулась со смены. Она у меня работает хирургом, и она на хорошем счету. Я ей горжусь, но порой, глядя на такую измотанную, мне становится очень жаль ее.

– Уже собралась? – спросила мама.

– Да, уже выхожу, – ответила я.

– Ох, неугомонная ты моя. Сдается мне, о внуках я могу и не мечтать от тебя, да? Когда ты у меня уже остепениться? Я все думала, перерастешь. Сколько женихов порог наш протерали – всех разогнала. Бесенок ты мой.

Мама улыбнулась и обняла меня.

– Будь осторожна. Мы тебя любим и ждем.

Я крепко обняла ее в ответ. Я тоже их всех очень любила.

– Все, мам, я побежала. А то опоздаю в аэропорт, и самолет улетит без меня.

– Беги, беги, – сказала мама. – Звони, не забывай.

– Ага! – крикнула я уже на выходе.

Дверь такси захлопнулась с глухим, герметичным звуком, отрезав от привычного мира запахов подъезда и маминых духов. Сразу пахло синтетической чистотой – освежителем воздуха с приторным ароматом «альпийский луг» и слегка пыльной тканью сидений. Водитель, мужчина лет пятидесяти в простой темной куртке, кивнул в зеркало заднего вида:

– В аэропорт, верно?

– Да, – коротко бросила я, поймав его усталый, отсутствующий взгляд. Он уже видел тысячу таких, как я – с рюкзаками и чемоданами, в предвкушении или страхе.

Машина плавно тронулась с места, и мой район начал проплывать за стеклом, залитый щедрым июньским солнцем. Было утро, но уже не раннее – час, когда ночная прохлада окончательно сдалась под натиском тепла. Небо было ясным, жидкой, выцветшей синевы, без единого облачка. Воздух за стеклом колыбался от нагретого асфальта, неся запах акации, пыли и далекого кофе из открытых окон кафе.

Улицы были полны утренней, деловой энергией. Фонари уже погасли, уступив место жгучему, слепящему свету, который отражался в витринах и стеклах машин. Поток был плотным: люди спешили на работу, торопливо перебежали дорогу на последних секундах зеленого света светофоров, из открытых люков машин доносились ритмичные басы. Мир был ясным, четким, лишенным ночных тайн, и в этой ясности было что-то безжалостно прямое.

Я прижалась лбом к теплоте от солнца стекла. В груди было странное, смешанное чувство. Знакомая, щемящая радость перед дорогой, как взведенная пружина. Но поверх нее – тот самый непонятный, легкий мандраж, холодок под ложечкой. Он был не похож на страх. Скорее, на ожидание. Как будто я не просто еду в аэропорт, а проезжаю невидимую границу, за которой все может измениться. Яркий солнечный свет, казалось, подсвечивал это внутреннее напряжение, делая его более явным, чем в мягких сумерках.

Таксист включил радио. Тихо зазвучали утренние новости – курс валют, пробки на выезде из города. Звук был фоновым, белым шумом. Я смотрела, как за окном мелькают ослепительно белые стены домов, слепые от солнца окна. В одном из дворов дети уже запускали велосипеды, и их крики были такими громкими и звонкими, какими бывают только летом. Мне вдруг стало жалко эту жизнь, эту обыденную утреннюю суету моего города. Я словно прощалась с ней, но не на неделю, а гораздо дольше, хотя сама не могла понять, почему.

Машина выехала на широкий проспект, ведущий к объездной. Здесь поток стал мощной, бурлящей рекой. Солнце било в лобовое стекло, и таксист опустил козырек. Ветер за окном был уже горячим, он нес запах бензина, нагретого асфальта и скошенной где-то вдали травы.

И в этот момент, заслонившись ладонью от слепящего диска солнца, я снова почувствовала это – тягу. Не мысль, а физическое ощущение, будто невидимая нить, привязанная где-то под сердцем, натянулась и потянула меня вперед, за горизонт, туда, где уже ждали сизые зубчатые силуэты, которых еще не было видно. Солнечный свет не растворил тревогу, а наполнил ее силой, превратил в решимость. Страх ушел, сгорел в этом июньском пламени. Осталось только это – пульсирующее, горячее, как утреннее солнце, ожидание чуда.

Таксист кашлянул, переключая передачу.

– Скоро будем, – сказал он, и его голос вернул меня в салон, к запаху «альпийского луга» и вибрации сиденья. – Пробок нет, повезло.

– Да, – выдохнула я, отрывая лоб от стекла и уже с улыбкой глядя на просыпающийся город за окном. – Повезло.

Зона вылета гудела, как гигантский улей. За стеклянными дверями, ведущими к стойкам регистрации, клубилась своя, особая жизнь, но пока мы были здесь, снаружи, в предвкушении. Я поставила рюкзак на землю, поправила лямки спортивного топа под тонкой ветровкой и окинула взглядом собравшихся.

У колонны, увенчанной табло с рейсами, уже сбилась группа – человек пятнадцать-семнадцать. Наш экскурсовод, Павел, молодой парень с короткой стрижкой и практичным рюкзаком альпиниста, стоял, прижав к груди планшет со списком. Его взгляд скользил от лица к лицу, сверяясь с фотографиями, и он периодически что-то помечал, касаясь экрана пальцем.

– ...Петров... Сидорова... Ларина, отлично, – бормотал он себе под нос, и я кивнула, когда он поднял глаза на меня. – Ждем еще двоих, и тогда дружно идем на регистрацию. Багаж уже сдали? У кого только ручная кладь? – он задавал вопросы четко, по-деловому, и группа послушно откликнулась.

Пока мы ждали, атмосфера из официально-собранной начала таять, превращаясь в приятное, бодрое гудение. Все перезнакомились. Слова «Привет, я Катя!», «А я Андрей», «Меня зовут Олег», смешались со смехом и шутками. Я прислонилась к прохладной поверхности колонны, наблюдая. В этот раз состав и правда был отличный – в основном молодые люди, в возрасте от двадцати до тридцати. Встречались разные типажи: пара серьезных ребят в профессиональных трекинговых ботинках, обсуждавших маршрут; несколько девушек, снимающих селфи на фоне аэропорта; компания друзей, уже открывших термос с чем-то горячим. Общее настроение было легким, предотпускным, полным ожидания приключений.

Именно тогда я его заметила. Вернее, он заметил меня. Парень из группы друзей – высокий, спортивный, в модной дорогой куртке, с нарочито небрежной укладкой волос. Его звали, кажется, Андрей. Поймав мой взгляд, он не отвел глаза, а оценивающе улыбнулся, будто только что прочитал интересный заголовок. Я тут же сделала вид, что смотрю на табло.

Но это было только начало. Через пару минут, пока его друзья смеялись над какой-то шуткой, он отделился от группы и неспешной, уверенной походкой направился ко мне.

– Привет одинокому путешественнику, – начал он, остановившись на расстоянии чуть ближе, чем того требовали нормы приличия. Его голос был нарочито бархатистым. – Я Андрей. Вижу, ты тоже одна. Может, составим компанию? Говорят, в горах скучно без хорошей беседы.

Я молча посмотрела на него, отводя взгляд к его друзьям, которые уже перешептывались, наблюдая за сценой.

– Спасибо, но я привыкла полагаться на свою компанию, – сухо ответила я, кивая на свой рюкзак.

– О, независимая, – он не сдавался, сделав шаг ближе. Его взгляд скользнул по мне с явной оценкой. – Мне нравятся такие. Уверен, мы найдем, о чем поговорить. Ты выглядишь как девушка со вкусом к приключениям. А я как раз эксперт по незабываемым впечатлениям.

В его тоне, в этой разыгранной уверенности, в самом клишированном подходе было что-то настолько предсказуемое, настолько избитое из дешевых романтиков, что терпение лопнуло. Вместо раздражения меня вдруг охватила неподдельная ирония. Всего один взгляд – на его слишком белые зубы, на дорогие, но абсолютно не походные кроссовки, на этот наигранный «альфа-самцовский» наклон головы – и я не смогла сдержаться.

Мои глаза медленно, с неподдельным, почти театральным сарказмом, закатились так высоко, будто я пыталась разглядеть собственные мысли на внутренней стороне черепа. Это был не просто жест раздражения – это было целое заявление. Звука я не издала, лишь позволила этому выразительному движению глаз и легкому, скептическому поджатию губ сказать все за меня: «Серьезно? Это все, на что ты способен?»

Он замер на мгновение, его уверенная улыбка дрогнула, сменившись легким замешательством. Видимо, такой реакции – не кокетливого отшива, а откровенного, немного презрения к самому качеству его «подката» – он не ожидал.

– Я... – начал он, но я уже отвернулась, делая вид, что с огромным интересом изучаю расписание рейсов в Алматы.

Молчание повисло между нами густое и неловкое. Через секунду я услышала, как он фыркнул и неуверенными шагами направился обратно к своим приятелям, которые, кажется, уже хихикали.

Я так и стояла, глядя в табло, чувствуя, как уголки моих губ сами тянутся в улыбку. «Какая же все-таки предсказуемая классика», – подумала я, возвращаясь к наблюдению за суетой аэропорта.

Через полчаса подъехали оставшиеся, и мы пошли оформляться. Времени ушло прилично – нас в группе двадцать человек. Пока всех проверяли, до посадки оставалось всего двадцать минут.

Пока стояли в ожидании, ко мне подошла одна из девушек – кажется, Катя.

– Круто ты его отшила, – сказала она.

– Да не в первой. Что с него взять – тестостерон зашкаливает, да и только, – улыбнулась я.

– Но ведь он ничего такой, – сказала Катя.

– Ну и что? – пожала я плечами. – Я здесь не для этого. У меня вообще в планах отношений нет. Они мешают моему образу жизни, поэтому не вижу смысла тратить на это время.

– Хм, – протянула Катя. – Но ведь можно найти человека с похожими интересами, – пожала она плечами.

– Значит, я еще не встретила такого, – отрезала я.

И тут объявили посадку. Я выдохнула с облегчением. Мы двинулись в самолет.

Глава 2

Полет прошел отлично. Два часа пролетели незаметно, без единой тряски и, что особенно ценно, без буйных пассажиров, которые порой доставляют столько хлопот. Однажды на одном из рейсов нам даже пришлось делать вынужденную посадку из-за одного такого истеричного. Почему люди совершают такие поступки – загадка. Если ты панически боишься летать, есть ведь альтернатива – поезда, машины. Но нет же, нужно устроить спектакль на высоте десяти километров, а потом все разгребать.

Выйдя из аэропорта, мы без заминок погрузились в ждавший нас автобус и отправились в отель. В поход, по плану, мы выдвигались только завтра, а остаток дня тратили на отдых и обустройство в номерах. Признаться, ждать еще целые сутки очень не хотелось – меня уже тянуло в горы, как магнитом. Но против общего решения, как говорится, не попрешь.

По дороге к отелю гид, молодой парень с умными глазами и спокойным голосом, решил настроить нас на нужный лад и рассказал одну из местных легенд – о Чугайстере.

«Это не просто дух леса, – начал он, и в салоне воцарилась тишина. – Это страж. И хранитель. Легенды говорят, что когда-то в этих горах жил могучий князь-чародей. Он так любил свои земли, что завещал свою душу не уходить в иной мир, а раствориться в каждом камне, ручье и дереве Карпат. Так и родился Чугайстер – дух, состоящий из самой сути этих гор. Он не злой и не добрый. Он – сама природа, ее живое сознание. Его редко видят, чаще – чувствуют: как внезапный порыв ветра в безветренный день, как шорох листвы без зверя, как светлячка там, где им не место. Говорят, он является тем, кто потерялся – не в лесу, а в жизни. Или тем, кто что-то важное ищет. Он может навести на тропу, а может и завести в самую чащу. Все зависит от чистоты помыслов путника и от того, готов ли он услышать то, что горы хотят ему сказать».

Я буквально заслушалась. Кое-какие легенды я, конечно, знала, но эту услышала впервые. От нее по коже пробежали мурашки – не от страха, а от странного, щемящего узнавания. Видимо, не зря этот гид получает свою зарплату. Рассказывал он так, будто сам верил в каждое слово.

Я не заметила, как мы подъехали. Отель с виду выглядел вполне прилично. Внутри, в просторном атриуме под стеклянной крышей, были бассейны с шезлонгами и большой фонтан в центре, где довольно вульгарно восседала дива в греческом стиле с кувшином, из которого лилась вода. Но вокруг – буйство зелени: кусты, цветы, небольшие деревья. Получалось очень атмосферно и уютно. «Надо бы как-нибудь всей семьей сюда сорваться», – подумала я.

Администраторы – улыбчивые, вежливые девушки – оформили нас быстро. Мы разбрелись по своим комнатам. Зайдя в номер, я выдохнула с облегчением: все было точно так, как на фото с сайта отеля. Стиль хай-тек, большая двуспальная кровать, современный душ. Нигде ничего не текло и не скрипело. Идеально.

Я набрала маме, сообщила, что долетела благополучно. Она спросила про дорогу, я рассказала про отель, уговорила ее подумать о совместном отдыхе здесь, отправила пару фото, которые успела сделать пока мы шли по территории. Попрощались до завтра. Я знала, что утром, перед самым выходом, нужно будет позвонить – неизвестно, будет ли связь там, куда мы идем.

Часа через три в дверь постучали. На пороге стояла Катя. «Боже, – мелькнула мысль, – и с чем она ко мне на этот раз?»

– Привет! – мило улыбнулась она, помахав рукой. Я отошла, давая ей войти.

– Прости, – сказала она, немного смущенно. – Я пока ни с кем, кроме тебя, толком не познакомилась, а в номере одной до завтра сидеть – скукота. Не против, если поболтаем немного?

– Нет, не против, конечно, – ответила я, хотя внутренняя осторожность, привычка держать дистанцию, тут же насторожилась. Но, с другой стороны, было только пять вечера.

Я достала свой походный электрический чайник, поставила воду. Катя, к слову, пришла не с пустыми руками – с пакетиком конфет. Отлично.

Из разговора я узнала, что она на год младше меня и что это ее первый поход. Родители раньше не отпускали, а она всегда мечтала попасть в Карпаты.

– Хочешь узнать, правда ли все эти мифы и легенды? – спросила я с улыбкой.

– Ну, не то чтобы я думала, что они сидят на холмах и ждут нас в гости, – засмеялась она. – Но есть же атмосфера места! Она подскажет, чему можно верить, а чему – нет.

– Возможно, ты права, – тихо согласилась я.

Образовалась заминка, каждый ушел в свои мысли. Я даже не сразу поняла, что мне задали вопрос.

– А ты-то зачем сюда приехала, Лара? – переспросила Катя. Я задумалась.

– Не знаю даже. Честно. Всегда тянуло в эти места, но как-то не решалась. А сейчас... будто время пришло. Я много где уже бывала, это моя пятая серьезная походная поездка.

– Да ну? – Катя округлила глаза. – Расскажи! Может, в следующий раз я махну в одно из тех мест, где побывала ты.

Ну что ж, раз уж пошла такая беседа...

И первое, о чем я рассказала, была Индия с ее невероятными, душу захватывающими храмами. Мой рассказ, прерываемый вопросами и уточнениями Кати, растянулся до самого вечера. Разошлись мы уже после десяти. Времени как раз хватило на душ и отбой.

Спала я, к своему удивлению, как младенец – глубоко и без снов. Что со мной бывало крайне редко, особенно на новом месте. Поэтому я проснулась еще до будильника, чувствуя себя отдохнувшей и полной сил.

После душа я, как заведенная, села пить чай. Не лучшая идея перед долгим переходом, конечно, но что поделать – мой ежедневный ритуал.

Вскоре постучали: на пороге был гид, сообщивший, что выдвигаемся через полчаса. Закинув в рюкзак последние вещи, я вышла в холл. Там уже собралось несколько человек, включая того самого Андрея – неудавшегося пикапера. Увидев меня, он демонстративно отвернулся. Я едва заметно улыбнулась. Отлично, значит, не будет доставать.

Катя появилась, вся сияющая, со всеми поздоровалась, и мы принялись тихо переговариваться в ожидании остальных. Как водится, без опоздунов не обошлось, и вышли мы не через полчаса, а через целый час. На часах было восемь утра. Вернуться в отель мы должны были завтра к вечеру.

Автобус довез нас до стартовой точки, от которой наш путь продолжался пешком. Дорога заняла около двух часов, за окном постепенно становилось жарко. Хорошо, что я не забыла кепку и надела практичные велосипедки с просторной футболкой-оверсайз. Комфортно и не жарко.

Выйдя из автобуса и окинув взглядом группу, я снова все поняла. Не все здесь ради гор. Две девушки вырядились так, будто собрались не в поход, а на пляжную вечеринку: шортики-мини и топики, больше похожие на нижнее белье. Я закатила глаза. «Ох, и намучаемся мы с ними к вечеру», – подумала с досадой.

Но, видимо, их цель была достигнута – Андрей уже с азартом взялся «окучивать» одну из них и при этом косо поглядывал на меня, мол, «смотри, что потеряла». Я лишь мысленно вздохнула. Главное, чтобы их флирт меня не касался.

Мы двинулись в путь. Воздух у подножия был теплым и густым, пахнул нагретой хвоей, прелой листвой и дикой мятой, растущей у самой тропы. Тропа, хорошо утоптанная и песчаная, мягко пружинила под ботинками, виляя между стволами, словно коричневый ремешок, брошенный в зеленую чашу.

Сначала лес был приветливым и почти парковым. Солнечные лучи пробивались сквозь высокие, негустые кроны сосен и елей, рисуя на земле движущиеся золотые пятна. Пахло смолой и медом – где-то рядом должен был быть цветущий липовый пролесок. Птицы перекликались деловито, без суеты. Шум автобуса и города остался где-то далеко позади, его сменил постоянный, успокаивающий гул – шелест листвы наверху, журчание невидимого ручья справа и наше собственное мерное дыхание.

Но чем выше мы поднимались, тем больше менялся характер леса. Сосны и ели уступили место великанам-букам и стройным, молчаливым пихтам. Их ветви сплетались высоко над головой в сплошной темно-зеленый шатер, сквозь который свет пробивался скупно, редкими, косыми лучами, в которых кружилась лесная пыль. Воздух стал прохладнее, влажнее, насыщенным запахом сырой коры, мха и вековой земли. Здесь пахло тайной.

Тропа сузилась, превратившись в каменистую ленту, петляющую между замшелыми валунами, будто разбросанными древним великаном. Корни деревьев, толстые, как удавы, переплелись под ногами, то образуя естественные ступени, то хитрые петли, за которые так и норовил зацепиться носок ботинка. Приходилось смотреть под ноги, но я все равно ловила себя на том, что то и дело поднимаю голову, замороженная.

Стволы буков, покрытые гладкой серебристо-серой корой, напоминали колонны забытого храма. Мох обволакивал их с одной стороны – мягкий, изумрудный, бархатный. Казалось, если прикоснуться, рука утонет по локоть. Вокруг царил полумрак, зеленоватый и живой. Тишина здесь была иной – не пустой, а наполненной. Она состояла из капли влаги с листа где-то наверху, из далекого стука дятла, из собственного стука сердца в ушах. Воздух был настолько чист, что им почти можно было напиться, и с каждым глотком чувствовалась легкая сладость, словно от горных трав.

Иногда лес расступался, и мы выходили на солнечные полянки, где трава по пояс была усыпана полевыми цветами – синими колокольчиками, белыми ромашками, розовым иванчаем. Здесь было тепло, жужжали пчелы, и открывался вид на уходящие вдаль, волна за волной, сизо-голубые хребты, теряющиеся в дымке. А потом тропа снова ныряла в прохладный, сумрачный тоннель из деревьев.

Под ногами хрустел мелкий щебень, скользила глина после недавнего дождя в низинах. Тропа то взбиралась круто вверх, заставляя учащенно биться сердца и глубже вдыхать прохладный воздух, то плавно спускалась в седловину, где стояла особенная, болотистая тишина и папоротники раскидывали свои огромные, резные вайи, словно зеленые фонтаны.

Шли мы цепочкой, растянувшись. Где-то впереди слышался смех и болтовня Кати с кем-то, позади – тяжелое дыхание тех, кому давался нелегко подъем. Я шла где-то посередине, нащупывая свой ритм – не слишком быстро, чтобы не выдохнуться, но и не медленно, чтобы не терять динамику. Этот ритм, стук сердца, шуршание рюкзака за спиной и гипнотическая красота леса вокруг постепенно сливались в одно медитативное состояние. Мысли утихали, оставалось только тело, движущееся вперед, и взгляд, впитывающий эту древнюю, мудрую, бесконечно сложную и прекрасную жизнь леса, которая шла своим чередом за века и тысячелетия до нас и будет идти еще долго после.

И сквозь всю эту физическую усталость и красоту, сквозь шелест листвы и пение птиц, нарастало то самое странное чувство. Будто эти тропы, эти камни, покрытые мхом, этот воздух – не просто пейзаж. Будто они меня *ждут*.

С каждым шагом мое сердце билось все чаще и настойчивее, будто у влюбленной дурочки перед свиданием. «Что происходит со мной?» – никак не могла я понять это странное, щемящее волнение.

Мы сделали привал на живописной поляне с видом на долину. Открывавшаяся панорама была настолько прекрасной, что не хотелось уходить. Но гид успокоил, сказав, что место, где мы остановимся на ночлег будет, куда краше чем это. Перекусив, мы двинулись дальше. Гид,

не уставая, продолжал свои рассказы – об истории, мифах, местной флоре и фауне. Катя, идя рядом, вторила ему своим непрекращающимся потоком слов. Я же старалась экономить силы, отвечая в основном кивками или односложно.

К вечеру идиллическая картина похода начала давать трещины. Солнце, еще теплое, но уже не такое яростное, косилось сквозь деревья, а вместе с его мягкими лучами из травы и сумерек поднялась настоящая туча гнуса – мелкого, назойливого, звенящего облаком вокруг каждого путника.

Именно тогда «дискотечный дуэт», как мысленно окрестила я девушек в мини-шортах и топиках, – Света и Алина – окончательно сдулся. Их бодрый смех и кокетливые пересмешки, звучавшие все утро, сменились сначала раздраженным шлепаньем по открытым ногам и плечам, а затем и откровенными капризами.

– Ой, ну что это за жужало такое! Оно повсюду! – визгливо воскликнула Света, отчаянно маша руками перед лицом, словно отбивалась от роя пчел, а не от пары комаров. – Я вся искутана! У меня аллергия!

– У меня тоже! – тут же подхватила Алина, с отвращением разглядывая свою идеально загорелую, а теперь покрытую розовыми пятнами голень. – И чесаться уже начинает! Где-нибудь поблизости есть речка? Мне надо смыть эту гадость.

Гид, Павел, обернулся, его спокойное лицо выражало легкое утомление.

– До ближайшего ручья еще минут сорок хода. И он ледяной. Лучше просто не чесать и использовать репеллент. У кого-то есть?

Катя, добрая душа, тут же полезла в свой рюкзак. Но Света только брезгливо сморщила нос:

– Фу, от вашей химии потом волосы вонять будут. Я натуральными маслами пользуюсь.

– Ну и как, помогают? – не удержалась я, кивнув на свежую, аленькую точку у нее на ключице.

Света лишь обиженно фыркнула и отвернулась.

Но главной проблемой стала усталость. Девушки явно не рассчитывали на такие расстояния. Их легкие балетки, идеальные для фотосессии на фоне леса, оказались совершенно бесполезны на каменистой тропе. Каблуки (да, на крохотных балетках тоже были каблуки!) скользили, мелкие камушки забивались внутрь.

– Я больше не могу, – заныла Алина, опускаясь на первый попавшийся валун, не обращая внимания на влажный мох. – У меня ноги отваливаются. Мы вообще скоро придем? Вы нам еще утром говорили, что «совсем недолго»!

Павел вздохнул, сверяясь с картой на GPS-часах.

– До места стоянки осталось чуть больше километра. По прямой. Но тропа идет в горку. Если сейчас сядем надолго, мышцы заостенеют, и идти будет еще тяжелее.

– А не могли вы маршрут попроще выбрать? – вступила Света, снимая одну туфельку и с драматизмом разглядывая натертый мизинец. – Я думала, мы просто погуляем по красивому лесу, а не в скалолазание играть! Посмотрите, у меня уже мозоль!

Они стали серьезной помехой для всей группы. Наш ровный, медитативный ритм распался на череду бесконечных остановок: то «перевести дух», то «камешек вытряхнуть», то просто поныть, глядя на уходящую вверх тропу. Их рюкзаки, набитые, как выяснилось, не термосами и едой, а дополнительной косметикой, одеждой и power-банками для селфи, теперь нес Андрей и еще один парень, Костя, чье рыцарское начало перевесило здравый смысл. Лица у «носильщиков» стали заметно менее восторженными.

Самое нелепое произошло, когда мы пересекали мелкий, но довольно бурный ручей по скользким, шатким камням. Света, требуя помощи, уцепилась за руку Андрея, который и так балансировал с двумя рюкзаками. В итоге он поскользнулся, одним сапогом грохнулся в ледяную воду, а Света, вскрикнув, уронила в тот же ручей свою сумочку. Поднялся короткий, но

оглушительный скандал с взаимными обвинениями, пока Катя, хихикая, не выловила палкой мокрый, но драгоценный клатч.

После этого инцидента в группе воцарилось тяжелое, раздраженное молчание. Веселый треп Кати стих. Даже Павел перестал рассказывать легенды. Мы просто шли, и каждый звук – их тяжелое, прерывистое дыхание, всхлипы, шуршание целлофана от шоколадки, которую они ели, не поделившись ни с кем, – резал уши, нарушая священную тишину гор.

Я шла, глядя под ноги, и ловила себя на жесткой, нехарактерной мысли: «Зачем они вообще сюда приехали?» Это была не злость, а скорее горькое недоумение. Они не видели, как играет свет в кронах буков, не слышали переливчатой трели какой-то невидимой птицы. Они пришли не к горам, а на готовую декорацию для своих историй в соцсетях, и теперь искренне страдали, потому что декорация оказалась живой, требовательной и абсолютно равнодушной к их мейкапу и новым шортам. Их капризы были жалобой на эту реальность, которая отказалась под них подстраиваться. А горы, как и лес вокруг, молчали и ждали, когда же наконец эти странные, хрупкие существа пройдут свою дистанцию и оставят их в покое.

Наконец мы добрались до места ночевки. И гид не обманул – вид был потрясающий. Мы стояли на высокой поляне, и весь мир лежал у наших ног как на ладони. Внизу, в сумеречной дымке, мерцал огнями далекий город, склоны были укутаны бархатной зеленью, а небо, еще хранящее следы заката, зажигало первые, самые яркие звезды. Атмосфера была волшебной, нереальной.

В центре поляны было оборудовано место для костра с лавочками. Мы жарили сосиски, делились впечатлениями, а гид снова рассказывал сказки. К полуночи все начали расходиться по палаткам. Я задержалась у потухающего костра одной из последних – мне было слишком хорошо, чтобы уходить.

И вот, подходя к своей палатке, я увидела нечто странное. По краю поляны, как будто солнечный зайчик, промелькнул огонек. Но сейчас же глубокая ночь. «Показалось», – решила я. Но любопытство взяло верх. Я сделала несколько шагов в ту сторону, за свою палатку, и оказалась на самом краю обрыва, под которым, в кромешной тьме, мерцали какие-то странные, бледно-голубоватые огоньки. Их было штук пять или шесть.

«Что за...?» – не успела я закончить мысль, как один из огоньков вдруг отделился от остальных и стремительно, по дуге, ринулся прямо на меня.

Инстинктивно я вскинула руки, чтобы отмахнуться от этого несуразного светящегося шара. И в этот момент, отступив на шаг назад, я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Край обрыва, подточенный дождями, осыпался.

«Боже, какая глупая смерть», – успела пронестись в голове леденящая мысль. Я полетела вниз, в темноту, хватаясь за воздух. И тут тот самый огонек, будто настигнув меня, врезался прямо в грудь. Не было ни боли, ни удара – только ослепительная вспышка холодного света перед глазами и чувство невесомого, бесконечного падения.

А потом – только тишина и мрак.

Глава 3

Сознание возвращалось обманчиво мягко, без резких толчков и ярких вспышек. Оно подкрадывалось, как первый туман над водой – бесшумно, почти невесомо, растворяя границы между небытием и чувством.

Я не понимала, что чувствую. Это было состояние вне категорий, вне привычных координат тела. Ни тяжести, ни легкости. Просто... бытие. Словно все мое существо стало легче пуха и плыло в теплой, плотной среде, обернутое с головы до ног слоями стерильной, глушащей звук ваты. Эта «вата» была не физической, а осязательной – она поглощала все: воспоминания, тревоги, даже сам вопрос «где я?». Существовал лишь тихий, безмысленный покой. Полная, почти блаженная пустота. Не темнота – ибо не было зрения, – а некое нейтральное, серое сияние не-мысли.

Не было ни боли. Ни малейшего намека на дискомфорт. Ни острых уколов, ни ноющей тяжести – тело, если оно вообще было, казалось безупречно целым и бесконечно далеким, как другая планета. Не было и страха. Инстинктивная тревога, обычно первая спутница пробуждения в незнакомом месте, спала, убаюканная этим всепоглощающим покоем.

Это было похоже на то, как будто я навсегда осталась в той долгой секунде между сном и явью, в сладкой прострации, когда мир еще не требует отчета, а душа не спешит возвращаться в свои владения. Я была точкой. Тихой, немой точкой в абсолютной тишине собственного «я».

И этот покой был настолько глубок, так радикально отличался от всего, что я знала – от вечной внутренней динамики, от тяги к движению, от предвкушения дороги, – что в самой его безмятежности таилась странная, смутная угроза. Он был слишком совершенным, чтобы быть правдой. Как будто меня навсегда вынули из потока времени и оставили в идеальной, стерильной бухте забвения.

Но даже в самой бездне покоя, должно быть, тлела искра того, кем я была – Лары, сорви-головой, девушки, которая всегда должна была куда-то идти. И эта искра, слабая и упрямая, медленно начала разгораться, пробиваясь сквозь вату небытия, готовясь к щелчку, который вернет и боль, и память, и весь неудобный, шумный, прекрасный мир.

Как щелчок, мысли прояснились, и воспоминания нахлынули лавиной. Ночь. Огонек. Обрыв. Падение. Ослепительная вспышка в груди. Я резко села, как на пружине. В голове зашумело, мир поплыл. Я обхватила ладонями виски, стиснув зубы. «Дыши, просто дыши». Через несколько глубоких вдохов гул отступил, и я смогла открыть глаза.

Медленно, преодолевая остаточную слабость век, я открыла глаза. И то, что предстало передо мной, не укладывалось ни в один из ожидаемых сценариев.

Я увидела не потолок походной палатки, не натянутый брезент, пропускающий утренний свет. И уж точно не стандартную больничную палату с белыми потолками, пластиковыми шторами и назойливым гудением аппаратуры.

Помещение, в котором я оказалась, было просторным и удивительно светлым. Потолок – не бетонная плита, а темное, благородное дерево, массивные балки которого сходились под острым углом, образуя что-то вроде свода. От них веяло прохладой и вековым спокойствием. Стены были сложены не из гипсокартона или панелей, а из добротного, грубоватого сруба. Бревна, темные от времени, но тщательно обработанные, хранили в себе рисунок годовых колец, как память о когда-то живом дереве. Межвенцовый утеплитель где-то проглядывал наружу – не современная пена, а что-то природное, похожее на мох или паклю.

А затем моё внимание привлекло окно. Это не был безликий пластиковый стеклопакет. Это была деревянная рама, собранная вручную, с ощутимой толщиной и лаконичной фурнитурой. Она была разделена на мелкие квадраты свинцовыми переплетами. И в каждом этом квадрате стояло стекло – настоящее, с едва уловимыми волнами и пузырьками, будто его выду-

вали столетие назад. Через эти старинные стёкла лился неяркий, рассеянный дневной свет. Он был мягким, молочным, лишённым резких бликов, и ложился на пол широкими, косыми лучами, в которых танцевала мириады пылинок.

Воздух в комнате был особенным. Первым делом я ощутила запах – сложный, многослойный. Сначала – сушёные травы: мята, чабрец, может, зверобой. Не просто аромат, а плотный, лечебный дух. Затем – тонкие ноты пчелиного воска, как от старых, ухоженных деревянных поверхностей. И под всем этим – основа, тёплый, уютный, глубокий запах самой древесины, смолы и, возможно, печного дыма, въевшегося в брёвна за долгие годы. Это пахло не больницей, а чем-то глубоко домашним и древним одновременно.

Я осторожно повернула голову, и взгляд упал на кровать. Она была широкой, почти квадратной, сделанной из того же темного дерева, что и потолок. Ложе – не ортопедический матрас, а толстый, упругий тюфяк. Подо мной он чуть пружинил, и, прислушавшись к ощущениям, я поняла: он набит чем-то натуральным. Сеном? Соломой? От него исходил лёгкий, едва уловимый, сладковатый запах сухих стеблей. Поверх тюфяка была натянута простыня – не гладкая сатиновая, а грубоватая, льняная, холодная на ощупь и безусловно чистая. Одеяло, сдвинутое к ногам, было стёганым, набитым, судя по всему, шерстью или пухом.

Всё вместе – высокий деревянный свод, бревенчатые стены, старинное окно, запахи трав и дерева, простая и прочная кровать – создавало странное, диссонирующее впечатление. Это не было похоже на роскошный эко-отель. Это было слишком аутентично, слишком «настояще» для бутафории. Но и на деревенский дом в глуши Карпат тоже не совсем походило. Скорее, это напоминало тщательно воссозданные декорации к историческому фильму про средневековые или альпийское шале XVIII века, где каждая деталь была подобрана с педантичной точностью. Только здесь не было ощущения постановки. Здесь был покой, тишина и это странное, всепроникающее чувство, что всё вокруг – настоящее, но из другой, давно ушедшей или никогда не существовавшей в моём мире эпохи.

«Я выжила. Меня подобрала. Отвезли в какую-нибудь глухую карпатскую деревню, в дом знахарки», – лихорадочно сообразила я, цепляясь за самое логичное объяснение.

В этот момент с легким, но отчетливым скрипом – не пронзительным, а древесным, глубоким, как будто само дерево вздыхало под тяжестью век, – открылась дверь. Она была массивной, из того же темного дуба, что и стены, с простой железной скобой вместо ручки.

И в этот проем вошла женщина. Не торопясь, но и не медля, с той естественной уверенностью, с которой входят в собственный дом. На вид ей можно было дать лет пятьдесят, но это были годы, отлитые в спокойную, умную силу, а не в усталость. Ее лицо было овальным, с четкими, но не резкими скулами и высоким, чистым лбом, на который спадала прядь пепельно-русых волос, убранных в строгий, но не тугий пучок на затылке. Главное в ее лице были глаза – большие, спокойные, цвета дымчатого кварца. Они смотрели не просто внимательно, а видяще, будто за долю секунды успевали прочесть не только выражение моего лица, но и тень мысли за ним. В этих глазах не было суеты, только глубокая, сосредоточенная ясность.

Одежда ее представляла собой поразительный гибрид эпох и назначений. На ней были добротные, современного кроя темно-серые брюки из плотной ткани и простая бежевая блуза из мягкого хлопка с длинными рукавами, закатанными до локтей. Но поверх этого практичного, почти городского комплекта был надет широкий холщовый фартук до колен. И это был не кухонный аксессуар – это была мастерская, лаборатория, арсенал. Фартук был цвета небеленого полотна, прочный и немножко потертый на сгибах. Его главной особенностью были карманы – их было множество: большие нагрудные, глубокие по бокам, узкие у пояса. И каждый был наполнен жизнью. Из одних торчали пучки сушеных трав – я узнала мяту, зверобой, что-то похожее на тысячелистник; их стебли были аккуратно связаны бечевкой. Из других выглядывали горлышки маленьких стеклянных пузырьков и баночек – темное стекло скрывало содержимое, но на некоторых были наклеены аккуратные этикетки с тонкой вязью письма. В одном

из боковых карманов поблескивали ленты белой ткани, в другом лежала пара деревянных пестиков. От всей ее фигуры исходил тот же сложный аромат, что наполнял комнату, только здесь он был концентрированным, живым: горьковатая свежесть полыни, сладость сухоцветов, терпкость смол и что-то еще, неуловимо-пряное.

Увидев, что я не лежу, а сижу, опершись на подушки, и смотрю на нее широко открытыми глазами, она остановилась у порога. И улыбнулась. Это не была мимолетная вежливая улыбка. Она началась в уголках ее глаз, собрав их в лучистые морщинки – не старости, а мудрости и привычки к доброму взгляду. Потом тронула губы, которые были тонкими, но мягкими, и наконец, осветило все ее серьезное лицо изнутри, словно зажгли лампу за матовым абажуром. В одно мгновение ее черты преобразились, смягчились, наполнились теплом и неподдельным, спокойным приветствием. В этой улыбке не было ничего наигранного или снисходительного – лишь тихая радость от того, что я пришла в себя, и открытость для диалога.

– Ты уже пришла в себя? Отлично, – произнесла она. Ее голос совпал с впечатлением от улыбки: невысокий, грудной, ровный. В нем звучала та же сила и та же мягкость, что и в ее облике. Он был голосом человека, привыкшего быть услышанным, но не требующего внимания. Голосом, в котором жили и знание, и готовность его передать. – Как самочувствие? Что-то беспокоит?

Я молча проанализировала ощущения. Тело было целым, лишь легкая слабость в мышцах, как после хорошей тренировки. И голова – ясная, без боли, лишь остатки тумана от шока.

– Вроде... все хорошо. Голова немного затуманена, но в целом – отлично. Что странно, учитывая, что я упала с обрыва, – ответила я осторожно, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Женщина не стала подходить ближе, не стала суетиться. Она сделала единственное верное в этой ситуации движение: мягко, бесшумно присела на самый край моей кровати, у изножья. Она сделала это так, будто сама постель была не просто мебелью, а неким нейтральным пространством, границей между ее миром и моим состоянием. Она не вторгалась, но и не создавала дистанции. Ее движения были плавными, точными, как у человека, привыкшего к бережному обращению и с хрупкими предметами, и с хрупкими душами.

Она сложила руки на коленях – руки сильные, с длинными пальцами, на которых виднелись легкие следы от трав, порезы и пятна от настоек, но выглядящие ухоженными и спокойными. Эта поза – прямая спина, сложенные руки – излучала не формальность, а глубокую сосредоточенность и готовность к разговору. Весь ее вид говорил: «Ты в безопасности. И сейчас мы поговорим о самом важном».

И тогда она произнесла это. Не повышая голоса, без драматических пауз, но с той неумолимой ясностью, с которой констатируют факт погоды.

– Детка, ты не упала. Ты перенеслась. В наш мир.

Мой мозг, только-только начавший налаживать связь с реальностью после шока, отказался обрабатывать эту фразу. Слова ударились о сознание, как камни о бронестекло, и отскочили, не оставив смысла, только ощущение абсурдного удара. «Перенеслась». «Мир». Эти понятия не стыковались ни с законами физики, ни с моим опытом, ни с самой логикой происходящего. Они принадлежали обложкам фантастических романов и экранам кино, а не этой бревенчатой комнате с запахом трав.

Реакция была мгновенной, животной, вырвавшейся из горла прежде, чем мысль успела ее обуздать.

– Что?! – мой голос прозвучал резко, почти визгливо, сорвавшись на высокой ноте недоумения и зарождающейся паники. – Какой еще «мир»? Это что, шутка такая? – Я почти фыркнула, но в звуке был только испуг. – Такое только в сказках бывает!

Перед моими глазами поплыли круги. Комната на секунду потеряла четкость. Я чувствовала, как ладони становятся влажными, сжимая простыню.

Но женщина – целительница – не дрогнула. Ее спокойствие в этот момент было не просто терпением, а чем-то вроде якоря, который она бросала в бурлящее море моего смятения.

– Тише, тише, – произнесла она, и ее голос был как мягкая, но плотная ткань, гасящая резкие звуки. Он оставался ровным и терпеливым, без тени раздражения или насмешки. В нем звучало понимание, которое только усилило мою растерянность. – Я понимаю, это сложно принять сразу. Сразу, вот так. Поверь, я знаю.

Она сделала небольшую паузу, давая этим словам просочиться сквозь шум в моей голове.

– И, по правде говоря, – продолжила она, и в ее тоне появилась легкая, почти апеллирующая к справедливости нота, – не я должна тебе все это объяснять. Это дело ректора. Он придет только завтра, и у него для таких бесед... больше полномочий и нужных слов.

Она снова посмотрела на меня – не сверху вниз, а прямо, ее дымчато-серые глаза будто сканировали не только мое лицо, но и внутренний ритм, бьющуюся, как птица в клетке, энергию.

– Но я смотрю на тебя, – сказала она, и в ее голосе прозвучала теперь не только понимание, но и легкая, уважительная уверенность, – и понимаю. Ты не из тех, кто будет спокойно лежать и ждать, не задавая вопросов. Не из тех, кого можно оставить на сутки в неведении, чтобы не «напрягать». Верно?

В ее словах не было осуждения. Была констатация. Она видела не просто пострадавшую, а личность. И в этой простой фразе – «ты не из тех» – было столько пронизательности, что мой протест на миг замер. Она видела меня. Ту самую Лару, которая всегда рвалась вперед, которой нужно было знать, понимать, действовать. И в этом странном месте, где все было шиворот-навыворот, эта простая человеческая точность ударила в самую точку, заставив на секунду притихнуть панику и прислушаться.

Ее пронизательность смутила меня.

– Я... я... – я сбилась. – Откуда вы знаете, что я могу, а что нет? Я же только очнулась.

Она улыбнулась чуть шире.

– Ты пришла через Портал Огненного факультета. Иначе просто никак. Его энергетика... накладывает отпечаток. Видна в ауре.

– Какого факультета? – голос мой звучал уже почти как писк. – Пожалуйста, объясните, что происходит?

– Хорошо, хорошо, конечно. И я, и ректор тебе все расскажем. Но давай начнем с малого. Скажи, ты ведь чувствовала, что *должна* была посетить то место, с которого переместилась? Чувствовала тягу, как будто что-то тебя звало?

Я молча кивнула, холодок пробежал по спине. Как она могла знать?

– Вот видишь. Значит, ты должна была оказаться здесь. Наш мир... он постоянно притягивает тех, кто нужен для равновесия. Каждый прибывший вносит свою лепту.

– И вы тоже? – спросила я, глядя на ее фартук с травами.

– Да. И я в том числе. Много лет назад.

Тогда до меня дошло самое страшное. Горло сжало.

– Но как же родные? Как вернуться назад? Там же моя мама, сестра, папа... – голос начал дрожать, и я уже была готова разрыдаться, чувствуя, как накатывает волна отчаяния и паники. «Зачем я только полезла на эти горы!»

Целительница положила свою теплую, сильную руку поверх моей.

– Привыкнешь, девочка. Назад... еще никто не вернулся. Но есть способ дать о себе знать. Можно написать письмо. Ректор может отправить его в твой мир, и ты сможешь сообщить родным, что с тобой все в порядке. Но это требует огромных затрат силы, поэтому каждому прибывшему разрешают сделать это лишь однажды. Один раз. Поэтому нужно очень хорошо обдумать каждое слово.

Это была соломинка. Крошечная, но реальная.

– Хорошо, – тихо выдохнула я, сгоняя предательскую влагу с век. – Спасибо вам большое.
– Не за что. Итак, как зовут тебя? – она сделала паузу, ее взгляд был мягким и вопрошающим.

– Лара.

– Отлично. А ко мне обращаются Целитель Мураса. Приятно познакомиться, Лара.

– И мне тоже, – пробормотала я.

– А теперь тебе нужен отдых, – решительно сказала она, поднимаясь. – Сейчас я велю принести тебе укрепляющий отвар и ужин. Выспишься, а завтра тебя ждет долгая беседа с ректором.

Она бесшумно вышла, оставив меня наедине с невыносимой реальностью.

Буквально через пару минут дверь снова распахнулась, и внутрь буквально влетела, словно солнечный зайчик, девушка примерно моего возраста. Она несла деревянный поднос. Ее каштановые волосы были собраны в беспорядочный пучок, а глаза искрились любопытством.

– Привет! Я Корри! Целительница велела передать! Держи! Выздоровлявай! – она стремительно поставила поднос на тумбу, одарила меня лучезарной улыбкой и так же быстро умчалась, бросив на прощание: – За подносом зайду позже!

Я была бесконечно благодарна ей за эту стремительность и отсутствие расспросов. Хотя, конечно, понимала – новичок, да еще прибывший через Портал, должен быть диковинкой. Любопытно должно быть жутко.

«Кошмар. Надо же, я в другом мире. Может, это все-таки сон? Галлюцинация после удара?»

Размышляя, я на автомате съела простую, но вкусную похлебку с хлебом и выпила отвар – травяной, с горьковатым послевкусием и медовой сладостью. Веки вдруг стали неподъемными, мысли расплылись. Я едва успела положить голову на подушку, как сон, тяжелый и бездонный, накрыл меня с головой.

Глава 4

Утро началось не с будильника и не с птиц за окном, а с приглушенного разговора в коридоре. Голоса – один из них я узнала как звонкий голос Корри – звучали за массивной дверью, доносясь обрывками. Я лежала с закрытыми глазами, ловя слова сквозь дрему.

«...ты представляешь? Он лично...»

«...да-а, прямо на руках принес к Мурасе...»

«...намечается что-то интересное, сто процентов...»

Смысл ускользал, оставляя лишь щемящее чувство, что обсуждают именно меня, моё появление. Я открыла глаза и повернулась к окну. За волнистыми стеклами уже вовсю сияло солнце – или как оно называлось в этом странном месте. Я замерла, слушая стук собственного сердца. Увы, я не проснулась от кошмара. Эта реальность, бревенчатые стены и запах трав, была единственной, что у меня оставалось. Принимать её было страшно.

Внезапно, с такой физической силой, что у меня перехватило дыхание, меня накрыло желание. Острое, режущее, до боли в горле. Захотелось позвонить маме. Не просто вспомнить о ней, а прямо сейчас, сию секунду, услышать самый обычный, живой, родной голос в трубке. Тот, что говорит: «Алло, доча?» с легкой хрипотцой после долгой смены. Хотелось спросить тысячу пустяков: «Как ты? Что на ужин готовила? Кот опять на подоконнике спал?» Хотелось, сжав телефон в потной ладони, сдавленным от волнения голосом прошептать: «Мама, ты не поверишь, мне такой странный сон приснился...» И начать сбивчиво рассказывать про бревенчатые стены, женщину в фартуке и чувство падения – выдавая кошмар за сон, лишь бы услышать в ответ её успокаивающее: «Ну, доченька, просто фильм какой-то дурной посмотрела. Выспишься – все пройдет».

Но телефона не было. Не было и самой возможности. И от этого осознания, холодного и окончательного, в горле встал ком. Не метафорический, а самый что ни на есть настоящий – тугой, горячий, болезненный. Он мешал глотать, давил на дыхание, будто я подавилась собственным бессилием. А глаза, предательски, вопреки всей моей установке на стойкость и принятие, мгновенно наполнились влагой. Мир за окном – солнечный, чужой – поплыл, расплылся в зыбких, дрожащих контурах. Я чувствовала, как нижняя губа начинает предательски подрагивать, а в носу щиплет знакомым, детским предчувствием плача.

Всё во мне сжалось в один хрупкий узел отчаяния. Ещё секунда – одна-единственная, неудачно взятая дрожью вдоха – и этот узел развязался бы. Я бы рухнула обратно на подушку, схватившись за неё, как за якорь, и разревелась бы. Некрасиво, громко, захлёбываясь рыданиями и соплями. Заплакала бы о маме, о пахнущем кофе и свежей газетой доме, о сестре, о своей узкой кровати с мятым пледом, о всей той простой, понятной, родной жизни, которая теперь была отрезана не просто расстоянием, а чем-то невообразимым. Плакала бы от беспомощности щенка, выброшенного в открытый космос, и от тоски, которая была острее любого страха. Этот плач уже кипел где-то в груди, подбирался к горлу, готовый вырваться наружу и утопить в себе последние остатки самообладания.

Но я сжала зубы. Так сильно, что на мгновение заболела челюсть. Вдохнула не грудью, а животом, резко и шумно, заставляя воздух обойти тот ком. И, уставившись в потолок, широко раскрыла глаза, словно пытаясь вобрать в себя всю эту накатившую влагу обратно. «Нет. Не сейчас. Нельзя». Это была не сила духа, а чистая, животная упрямая воля: не дать случиться этому здесь и сейчас, перед лицом этой новой, чужой реальности. Слезы можно было позволить себе только наедине. А пока – глотать. Глотать ком, глотать тоску и делать следующий шаг.

Дверь скрипнула, впуская в комнату и свет из коридора, и Мурасу.

– Проснулась? – спросила она, и её взгляд, кажется, сразу прочитал мою готовность к слезам, но виду она не подала. – Отлично. Давай собираться, я провожу тебя к ректору. Он прибыл час назад и ждёт тебя в своём кабинете.

– Да, хорошо, – выдохнула я, сгоняя слёзы силой воли и откидывая одеяло.

Мураса вышла из комнаты и вернулась через несколько минут, держа в руках аккуратно сложенную стопку одежды. Она положила её на край кровати рядом со мной. Ткань – вернее, материал – издал тихий, но выразительный звук, непохожий на шелест хлопка или шуршание синтетики. Это было мягкое, бархатистое поскрипывание, как у хорошо выделанной кожи.

– Вот, носи. Твоё, – просто сказала она, отходя к окну, будто давая мне пространство.

Я осторожно потянула к себе стопку. Одежда была не моя. Совершенно, абсолютно чужая. Местная. Сама эта мысль вызывала легкое головокружение. Я развернула комплект, и меня охватил тихий, но полный шок.

Это был костюм. Цельный, продуманный ансамбль из мягкой, но невероятно плотной кожи. Цвет – не чёрный и не коричневый в привычном понимании, а глубокий, сложный шоколадный оттенок с лёгким бордовым подтоном, будто в кожу впиталось закатное небо. На ощупь она была поразительной: не холодной и скользкой, а матовой, чуть ворсистой, живой и тёплой, словно она уже хранила в себе чьё-то тепло.

Но настоящий шок ждал впереди, когда я начала одеваться. Брюки не просто сужались к низу – они были идеально, как вторая кожа, обтягивающими от талии до щиколоток, подчёркивая каждую линию бёдер и икр. Кофта, с длинной парадной молнией от самого низа до воротника-стойки, повторяла ту же историю. Она облегла торс, грудь, талию с такой точностью, будто её сшили по слепку моего тела. Ни намёка на свободный крой, на привычные мне «оверсайз», под которыми можно было спрятаться.

Одевшись, я застыла посреди комнаты. Ощущения были совершенно новыми, почти шокирующими. Я буквально *чувствовала* каждую выпуклость, каждый изгиб собственного тела сквозь тонкий, но непробиваемый слой кожи. Мои плечи, грудь, линия талии и бёдер – всё, что я годами маскировала свободными футболками, бесформенными толстовками и спортивными костюмами, теперь было выставлено напоказ с почти вызывающей откровенностью. Это было не просто неудобно – это было глубоко интимно и уязвимо. Я почувствовала себя голой посреди улицы, облачённой лишь в слишком откровенную броню.

Неловко, почти стыдливо, я подняла взгляд на Мурасу, ища в её лице подтверждения своим опасениям или хотя бы понимания. Но целительница, увидев моё растерянное, слегка испуганное выражение и то, как я стою – скованно, будто боясь пошевелиться, – не смогла сдержаться.

Она рассмеялась. Но это был не насмешливый, а тёплый, живой, от всей души смех, который зародился у неё в животе и вырвался наружу звонким, чистым звуком. Она даже прикрыла на секунду рот ладонью, а её дымчатые глаза, обычно такие серьёзные, сощурились от искреннего веселья.

– Ох, Лара, – выдохнула она сквозь смех, – твоё лицо! Ты бы видела себя сейчас! Будто тебя в бронежилет для парада нарядили, а не в рабочую форму!

Её смех, такой естественный и лишённый злого умысла, стал своеобразным якорем. Он не осуждал мою неловкость, а как бы говорил: «Я понимаю, как это выглядит со стороны. И это действительно забавно». В этом смехе была доля облегчения – будто она рада, что я могу вызвать такую простую человеческую реакцию после всего пережитого. И этот смех, против всех ожиданий, начал понемногу таять лёд моей скованности. Пусть я и выглядела в этой обтягивающей коже как героиня дешёвого фэнтези, но, по крайней мере, это вызвало не шок, а смех. А смех, даже над собой, уже был шагом к принятию.

– Это не просто одежда. Это форма твоего факультета. Костюм выполнен из кожи бариков. Эти животные... устойчивы к огню. Для твоего факультета – идеально. И не смущайся,

через полчаса кожа «сядет» по фигуре окончательно, станет как вторая кожа и не будет сковывать движений. В бою это удобно.

Перестав смеяться, она добавила:

– Привыкнешь.

Я лишь скептически кивнула, чувствуя себя неловко и «выставленной напоказ». К костюму прилагался широкий пояс с несколькими прочными петлями и креплениями – видимо, для оружия или снаряжения, и маленькая, но вместительная кожаная сумка-кошелёк на пояс. Обувь – высокие, крепкие ботинки-берцы из той же кожи. В целом, выглядело грозно и функционально, но мысль о том, что это теперь моя повседневная форма, повергала в лёгкий ступор.

Мы вышли из палаты, и плотная дверь из темного дуба мягко захлопнулась за нами, отрезав меня от моего временного пристанища. Я оказалась в длинном, прямом коридоре. Его архитектура была той же, что и в моей комнате: стены из добротного сруба, высокий потолок с массивными балками, но здесь, в общем пространстве, это выглядело ещё внушительнее. Воздух пахнет тем же коктейлем из сушеных трав, воска и дерева, но сюда примешивались и другие, неуловимые оттенки – возможно, ароматы пищи, чистых тканей и просто человеческого присутствия.

Коридор был освещён не люстрами, а какими-то светящимися сферами, закреплёнными в нишах между балками. Они испускали мягкий, рассеянный, тепловатый свет, похожий на свет живого пламени, но без мерцания и копоти. По обе стороны от нас, на равном расстоянии друг от друга, располагались такие же массивные двери, как и та, из которой мы вышли. Все они были закрыты. Я насчитала их пять с каждой стороны. «Палат, видимо, с десятков, – пронеслось в голове. – Как в небольшой больнице или... в монастырском общежитии». Тишина в коридоре была почти абсолютной, лишь приглушённый гул какого-то далёкого механизма едва улавливался где-то в глубине здания.

Мы прошли примерно до середины коридора, и он неожиданно расширился, превратившись в просторный, светлый холл. Это было уже не просто проходное пространство, а нечто вроде центрального зала этажа. Высокие окна, такие же со старинными переплетами, пропускали сюда больше дневного света. В центре холла стояла деревянная стойка, похожая на ресепшн в небольшой гостинице. Она была не современной пластиковой, а сделанной из того же тёмного дерева, что и всё вокруг, и выглядела солидно и уместно. За ней на стуле сидела девушка в простом светлом платье, склонившись над какой-то книгой с толстым переплетом. Она подняла голову, увидев нас, и молча, с лёгкой профессиональной улыбкой, кивнула Мурасе.

Но мой взгляд тут же притянула другая дверь. Она находилась прямо за стойкой, в торцевой стене холла. Она была заметно больше, шире и выше всех остальных дверей в коридоре. Её массивные створки были украшены не просто железными скобами, а сложной, но не вычурной резьбой по дереву – переплетающимися геометрическими узорами, напоминавшими то ли сплетённые корни, то ли стилизованные растения. Это была дверь, которая с первого взгляда заявляла: «За мной – что-то важное».

Я непроизвольно замедлила шаг, разглядывая её. Мураса, заметив мою задержку, тоже остановилась. Она не торопила меня, дав осмотреться. Потом, следуя за моим взглядом, она кивнула в сторону величественной двери, и в её голосе прозвучала та же спокойная, владеющая ситуацией уверенность.

– Там, – сказала она просто, – мой кабинет, лаборатория и жилые покои.

В её словах не было ни хвастовства, ни извинений за скромность. Это была просто констатация факта, произнесённая с тем же достоинством, с каким она носила свой многофункциональный фартук. Эта дверь была границей её личного пространства, её царства – места, где она не только лечила, но и творила, изучала, жила. И сам вид этой двери, её выделяюще-

еся положение в холле, говорили о статусе Мурасы в этом месте куда красноречивее любых титулов.

Я молча кивнула в ответ, впечатлённая. Это маленькое путешествие по коридору уже начинало вырисовывать контуры нового мира: не хаотичного и дикого, а структурированного, организованного, с чёткой иерархией и своими центрами силы. И целительница Мураса, судя по всему, была одним из таких центров.

Я кивнула, и мы двинулись к выходу из здания.

Мы вышли из здания лечебницы, и за тяжелой дубовой дверью мир резко переменялся. Оказалось, деревянное, почти идиллически-старинное обличье было уделом только этого одного строения – островка спокойствия и целительства.

Стоило отойти от него метров на триста по широкой, выложенной плоским камнем дорожке, как передо мной открылось зрелище, от которого буквально перехватило дыхание и заставило остановиться на месте.

Впереди, на обширной искусственной возвышенности, словно вырастая из самой земли, стоял Замок. Не «здание», не «корпус» – именно Замок, в самом что ни на есть эпическом понимании этого слова. Он был огромен и величествен, выстроенный из светлого, почти молочного камня, который сиял под утренним солнцем. Форма его была четкой и монументальной – массивный квадрат основного здания, символ незыблемости и порядка.

Но истинное величие и силу ему придавали башни. Четыре мощные, цилиндрические башни вздымались по углам квадрата, устремляясь в ясное небо своими остроконечными, чешуйчатыми шпилями, крытыми темно-серым сланцем. Они не были просто декорацией; они выглядели как древние стражи, как несущие колонны всего этого грандиозного замысла. На их боках я различила узкие, высокие бойницы-окна и небольшие балкончики – наблюдательные пункты.

Основное здание, к которому примыкали башни, было тоже исполинских размеров. Я медленно пересчитала этажи, ведя взглядом по ровным рядам более широких, арочных окон: один, два, три... шесть. Шесть полных этажей, не считая, вероятно, чердачных помещений под самой кровлей. Это была не просто школа – это был целый город в миниатюре, заключенный в каменную твердыню.

Нас от этого гиганта отделял обширный, ухоженный парк. Он был настоящим буфером между скромной лечебницей и могуществом Академии. Парк поражал не дикой, а именно что ухоженной, почти садовой красотой: ровные газоны изумрудной зелени, яркие островки цветущих клумб с незнакомыми, но поразительно яркими цветами, аккуратно подстриженные кусты, сложенные в геометрические фигуры. Через парк веером расходились несколько прямых аллей, вымощенных светлым гравием и обсаженных стройными деревьями с серебристой листвой.

Мураса, видя мое ошеломленное замирание, лишь слегка тронула мой локоть, мягко направляя вперед.

– Наша Академия, – произнесла она, и в этих двух словах звучала и гордость, и привычка. – Пойдем, здесь недалеко.

Мы свернули на ближайшую аллею. Гравий приглушенно поскрипывал под подошвами моих новых ботинок. Воздух в парке был другим – не лечебным, а свежим, напоенным запахом хвои, цветущей липы (или ее местного аналога) и влажной земли после полива. Тишина здесь была иной, не больничной: её нарушало далёкое журчание фонтана, пение невидимых птиц в кронах и едва уловимый гул жизни, доносящийся из огромного каменного исполина впереди. Каждый шаг по этой идеальной аллее приближал меня к нему, и с каждым шагом он становился всё более грандиозным, всё более реальным и всё более пугающим в своём масштабе и неотвратимости. Это уже была не потенциальная сказка, а суровая, высеченная в камне реальность, в которой мне предстояло жить.

По пути Мураса неторопливо рассказывала:

– Башни – это общежития факультетов. Четыре факультета – четыре башни. С первого по четвертый этажи в основном здании – учебные. Пятый – администрация и шестой общежитие для преподавателей. За академией, на склоне, – тренировочный полигон, разделённый на секторы для разных дисциплин. А ниже, в долине, – город. В выходные студентам разрешено туда спускаться.

– Можно, конечно, – пробормотала я, – но какой смысл? У меня тут ни документов, ни денег.

– Не переживай на этот счёт, – успокоила Мураса. – Академия выплачивает хорошую стипендию. Тебе на всё хватит. И всё необходимое, включая эту форму, выдают. Это обнадеживало, хоть и звучало нереально.

Вблизи академия казалась исполинской, подавляющей. Каменные стены, сложенные из огромных, идеально подогнанных блоков, вздымались ввысь, теряя четкость на фоне неба. Я запрокинула голову, пытаясь охватить взглядом всю громаду, и почувствовала себя букашкой у подножия горы. «Сколько же людей здесь учиться? – пронеслось в голове, отдаваясь лёгким эхом трепета. – Сотни? Тысячи?» Окна, казавшиеся издалика узкими прорезями, теперь выглядели высокими и широкими, за каждым из них могла кипеть своя жизнь. Сам воздух у подножия стен был прохладнее, пропитанный дыханием камня и вековой тени.

Мы подошли к главному входу – не к какой-нибудь калитке, а к монументальной, стрельчатой арке, достаточно высокой, чтобы под ней мог проехать небольшой экипаж. Тяжёлые дубовые створки дверей были окованы чёрным, отполированным до блеска металлом, на котором не было ни пятнышка ржавчины. Мураса без колебаний толкнула одну из них, и я шагнула вслед за ней внутрь, готовясь к полумраку, запаху плесени и пыли – всему, что ассоциировалось у меня с замками.

Меня ждал новый, оглушительный сюрприз.

Если снаружи это был суровый, аскетичный средневековый бастион, то внутри царил полная, продуманная до мелочей современность. Мы оказались в просторном, светлом атриуме, который уходил вверх на все шесть этажей. Стены здесь были не из грубого камня, а покрыты гладкой, светлой штукатуркой теплого песочного оттенка. Свет лился не только из высоких окон в стенах, но и с потолка – огромная, сложная конструкция из матового стекла и каких-то светящихся панелей рассеивала мягкий, ровный, очень естественный свет, как в пасмурный, но ясный день. Никаких факелов, никаких коптящих светильников.

Пол под ногами был выложен крупной плиткой цвета тёплого гранита, настолько гладкой и чистой, что в ней отражались блики света. Повсюду – указатели. Не выцарапанные на камне, а аккуратные таблички на металлических подставках или световые панели на стенах, с чёткими надписями на незнакомом, но визуально гармоничном языке, дополненными интуитивно понятными пиктограммами: лестница, библиотека, факультеты, медпункт. Это была навигация, ничуть не уступающая лучшим земным аэропортам или университетским кампусам – логичная, эстетичная и эффективная.

В самом центре атриума, прямо под световым потолком, взмывала вверх широкая парадная лестница. Она не была прижата к стене, а стояла свободно, как самостоятельная архитектурная скульптура, разделяясь на два марша на площадке между этажами. Её ограждения были сделаны из тёмного полированного дерева и легкого, ажурного металла. Никакой необходимости блуждать по тёмным, запутанным коридорам – главные пути были открыты и очевидны.

Мы двинулись к лестнице. Воздух внутри был прохладным, свежим, с едва уловимым запахом озона, чистоты и, возможно, чего-то цветочного – работала незаметная система климат-контроля и ароматизации. По периметру атриума на разных уровнях виднелись открытые галереи, люди – студенты, преподаватели – двигались по ним размеренно, без суеты. Их одежда, хоть и непривычная моему глазу, была опрятной и функциональной, в основ-

ном в тёмных или глубоких цветах. Звуки голосов и шагов, приглушённые высотой и акустикой пространства, создавали ровный, деловой гул.

Поднявшись по широким ступеням на пятый этаж, мы свернули направо в более камерный, но всё такой же светлый и чистый коридор. Здесь было тише. Стены украшали не таблички, а какие-то гравюры в строгих рамках и гербы с символикой, которую я пока не могла расшифровать.

И вскоре я увидела её. Дверь. Она была не такой, как все остальные гладкие, светлые двери в коридоре. Это была массивная, резная дверь из того же тёмного, почти чёрного дерева, что и в лечебнице. Она занимала почти всю ширину простенка и была украшена сложным, геометрическим орнаментом, в который были вплетены стилизованные изображения пламени, горных пиков и раскрытой книги. Ручка – не скоба, а тяжелый шар из полированного чёрного камня. Она не просто выделялась – она доминировала, беззвучно заявляя о важности и недоступности того, что находилось за ней.

«Понятно, – с горьковатой, усталой иронией подумала я про себя, чувствуя, как сердце учащённо бьётся о рёбра. – Это же ректор. Что на Земле, что здесь – начальству самое лучшее. Самый большой кабинет, самая внушительная дверь. Принципы, видимо, универсальны». Эта мысль, такая простая и земная, на мгновение стала точкой опоры в этом водовороте нового и необъяснимого. Даже здесь, в мире магии и порталов, существовала бюрократия, иерархия и большие начальственные двери. В этом была какая-то извращённая надежда: если какие-то правила остаются неизменными, значит, и в остальном ещё можно как-то разобраться.

Мураса открыла дверь, поздоровалась. Оказалось, это лишь приёмная. За аккуратным столом сидела женщина-секретарь лет тридцати, разбирающая стопки бумаг. Увидев нас, она прервала работу, поздоровалась с целительницей, а затем перевела взгляд на меня.

– Ректор вас ждёт, – вежливо, но без лишних эмоций сказала она.

Я кивнула, сделала глубокий вдох и подошла к следующей, ещё более внушительной двери. Постучала и, не дожидаясь ответа (как показалось правильным в такой ситуации), вошла.

Кабинет, в который я вошла, не просто поражал размерами – он подавлял своим солидным, почти гнетущим величием. Было просторно, но воздух в нем казался густым, насыщенным тишиной, которую нарушал только шелест углей в огромном камине, расположенном справа от входа. Ощущение было не от роскоши, а от непоколебимой, накопленной веками власти.

Доминировали два материала: темное дерево и коричневый камень. Стены были облицованы плитами песчаника теплого, медово-коричневого оттенка, на которых играли отсветы пламени. Пол – из темного, почти черного дуба, покрытый потертыми в проходах коврами с геометрическим орнаментом.

Главным акцентом служили книжные шкафы. Они вздымались от пола до самого высокого потолка, уходящего в полумрак, и были доверху забиты фолиантами в кожаных переплетах, свитками в медных футлярах и странными предметами, похожими на артефакты – кристаллами в оправках, замшелыми шкатулками, диковинными часами. Запах стоял соответствующий – пыльный, сладковатый запах старой бумаги, смешанный с воском для полировки и едва уловимым дымком.

Окна, высокие и узкие, как бойницы, были затянуты тяжелыми портьерами из бархата цвета старого вина, пропускающими лишь тонкие золотые лучи света, которые резали полумрак, выхватывая из него клубы пыли.

В центре этого царства знания и силы стоял его трон – огромный рабочий стол из черного дерева, похожий на крепостной бастион. Его поверхность была идеально чиста, если не считать нескольких аккуратных стопок бумаг, чернильного прибора из темного металла и одного-

единственного, странного предмета – прозрачного шара на низкой подставке, в глубине которого медленно перетекали, как туман, серебристые завихрения.

А за этим столом сидел мужчина.

Я непроизвольно замерла на пороге, внутренне подготовившись к встрече с седовласым патриархом, мудрым и древним, как сами горы, чей взгляд будет исходить из-под густых бровей и видеть тебя насквозь, помня еще твоих прадедов.

Реальность оказалась иной, отчего сбивало дыхание еще сильнее.

Передо мной был молодой человек. Ему вряд ли было больше тридцати. Он сидел в высоком кресле, но не откинувшись, а собранно, позвоночник прямой, плечи расправлены под темным, строгим камзолом, более похожим на военный мундир, чем на академическую рясу. Он был высок – это читалось даже в сидячем положении, с резкими, четкими чертами лица: высокие скулы, прямой нос с легкой горбинкой, твердый, точно высеченный подбородок. Его волосы, черные как смоль, были коротко и практично острижены, открывая высокий, мыслительный лоб.

Но главное – его взгляд. Темные, почти черные глаза, лишённые видимой эмоции, смотрели на меня с безмятежной, леденившей душу интенсивностью. Он не улыбался, не хмурился. Он изучал. Впитывал каждую деталь – от неуверенности в моей позе до, вероятно, отблеска огня в моих глазах. Он сидел совершенно неподвижно, и эта неподвижность была пугающе неестественной, словно он был не человеком, а прекрасной, ожившей статуей, наделенной сознанием. Он молча наблюдал, как я осматриваюсь, давая мне время прийти в себя, оценить обстановку, понять, в чьем присутствии нахожусь. Это была не любезность, а стратегическая пауза, позволяющая ему оценить мою реакцию.

Поняв, что мой беглый, потрясенный осмотр окончен и взгляд наконец остановился на нем, он сделал одно-единственное движение. Не встал. Не наклонился. Лишь слегка, почти неприметно, поднял кисть правой руки с длинными, тонкими пальцами и указательным жестом, точным и экономным, как удар шпаги, обозначил высокий стул из темного дерева с прямой спинкой, стоящий напротив его стола.

– Присаживайтесь, – прозвучал его голос.

Голос был низким, ровным, бархатистым, но лишённым какого-либо тепла или личной заинтересованности. В нем не было и неприязни – лишь абсолютная, отполированная нейтральность. Это был голос, привыкший к тому, что его не просто слышат, но внимают каждой интонации. Голос, который не спрашивал, а констатировал, превращая вежливое предложение в неоспоримую директиву. В этом коротком слове заключалась вся суть его власти – тихой, уверенной и не допускающей возражений.

Я послушно опустилась на стул, сложив руки на коленях в зеркальном отражении позы Мурасы накануне. Сердце колотилось где-то в горле. Я приготовилась слушать. Слушать приговор, объяснение, свою новую судьбу.

Глава 5

Итак, – начал он, сложив пальцы перед собой на столешнице. Его взгляд был направлен прямо на меня, оценивающий и лишенный сантиментов. – Меня зовут ректор Ревус. Поздравляю, вы зачислены в Академию Стихий.

Он сделал небольшую паузу, давая этим словам проникнуть в сознание.

– Правда, обучение началось месяц назад, но раз уж так получилось... нагоните. Этот год все студенты первого курса учатся вместе общеакадемическим дисциплинам. Со второго курса происходит разделение по факультетам. А так как вы прибыли к нам через Портал Огненной Глубины, ваш факультет предопределен – Огненный.

Ревус говорил четко, по делу, будто зачитывал устав. В его голосе не было ни капли приветствия или попытки смягчить удар новизны. Это был набор фактов, которые мне надлежало принять как данность.

– Если будете хорошо учиться, стипендия будет повышенной. Ее вам будет хватать более чем. График стандартный: пять дней учебы, два дня выходных. В выходные разрешено посещать город в долине. Постарайтесь, – он чуть заметно выделил это слово, – без происшествий.

Он сделал паузу и посмотрел на меня таким взглядом, будто я сама по себе являлась ходячим происшествием, требующим особого надзора. Меня, не скрою, покорило, и на лице, видимо, отразилась обида. Он заметил и, почти незаметно, чуть отвел взгляд.

– Не обижайтесь, – продолжил он, и в его низком голосе прозвучала легкая, усталая укоризна. – Но характер огненных, как правило, вздорный. Там всегда что-то происходит.

Он как-то кисло, одним уголком рта, улыбнулся. Словно от одной мысли о выходах студентов-пироманов у него начинала болеть голова. Видимо, от моего факультета у него и правда было много хлопот.

– Жить вы будете в общежитии. Первая башня справа от главного входа. Комендант определит вас в свободную комнату и объяснит правила. Учебники – в библиотеке на первом этаже. Обучение длится пять лет. Если проявите себя, после выпуска проблем с трудоустройством не будет.

Я согласно кивала, впитывая информацию. Большая часть этого была уже известна от Мурасы. В остальном, как я думала, разберусь по ходу. Но внутри все сжималось в тугий узел в ожидании возможности задать главный, единственно важный вопрос.

Наконец, он закончил свой краткий инструктаж.

– Вопросы?

Я собрала с духом.

– Мне все понятно, ректор Ревус. Часть этого мне уже сообщили. Но... мне сказали, что я могу передать весточку родным. Чтобы они хотя бы не переживали так сильно.

– Да, – подтвердил он без лишних слов. – Могу отправить письмо. Но один раз.

– Да, да, я знаю, – поспешно согласилась я. – Когда это можно сделать?

Он молча протянул мне через стол лист плотной, слегка шероховатой бумаги и предмет, похожий на нашу ручку по форме, но не по сути. Это была гладкая палочка из темного дерева с металлическим наконечником. Чернил в привычном понимании не было, но когда я взяла ее, кончик начал испускать ровную, насыщенно-черную линию, которая ложилась на бумагу невероятно плавно и мягко. Писать ею было удивительно приятно как потом выяснилось.

Как начать? Что написать, чтобы успокоить их, когда сама я успокоиться не могу? Это было невыносимо трудно. Ректор, к его чести, дал мне время, занявшись бумагами на столе, чтобы не смущать своим взглядом. За что ему огромное спасибо.

Чистый лист плотной, слегка шероховатой бумаги лежал передо мной, безмолвный и осуждающе пустой. Металлический наконечник странной ручки в моей дрожащей руке казался

невероятно тяжелым. Как начать? Какими словами можно описать катастрофу, которая не является катастрофой? Как сказать о невозможном, не сломав сердце тому, кто будет это читать?

Я закрыла глаза на мгновение, вдохнула запах старого дерева и воска из кабинета ректора и представила ее лицо. Мамино лицо. Уставшее после смены, но всегда освещенное внутренним светом, когда она смотрела на меня. Я услышала в памяти ее голос: «Бесенок ты мой...»

И ручка сама потянулась к бумаге. Чернила, скорее – темная, самоизлучающаяся субстанция – ложилась на лист плавно и беззвучно, буква за буквой выстраиваясь в строчку, полную невыразимой тоски и любви.

«Мамочка моя, привет.»

Первая строчка вышла простой, почти будничной. Словно я просто пишу из другого города. Но в этой простоте уже таилась бездна. Не «мама», а «мамочка моя» – уменьшительно-ласкательное, которое я позволяла себе редко, только в моменты особой нежности или вины. Сейчас было и то, и другое.

«Это я, твой бесенок.»

Слово «бесенок» заставило мои глаза снова наполниться влагой. Это было наше, домашнее, ее прозвище для меня, полное снисходительной любви к моей неугомонности. Я подписывалась им, как печатью, как паролем, подтверждающим: да, это твоя дочь, та самая, несмотря на все невероятное, что будет дальше. Это был крик: «Узнай меня! Верь, что это я!»

«Это очень трудно, и я не знаю, как все объяснить.»

Признание собственного бессилия. Попытка подготовить, смягчить удар. Я писала не как уверенная в себе Лара, а как потерянный, испуганный ребенок, который сам не до конца понимает, что произошло. Фраза дрогнула на бумаге, буквы в слове «трудно» сжались, будто от холода.

«Меня тянуло в Карпаты не просто так.»

Здесь я пыталась дать логику, корень, причину. Чтобы у нее не осталось мысли, что это был просто несчастный случай на глупом приключении. Чтобы она поняла – в этом был рок, предначертание, некая высшая причина, которую я не могла игнорировать. Это была попытка оправдать свой уход, свой выбор.

«Там был портал, и меня перенесло в этот мир, из которого я не смогу вернуться назад.»

Главный приговор. Самое страшное. Я выписала слова «портал» и «перенесло» четко, почти сухо, боясь, что если вложу в них эмоцию, они покажутся бредом. Но фраза «не смогу вернуться назад» вышла с нажимом, чернила там легли гуще, бумага чуть продавилась. Это была линия, которую я подводила. Окончательная. Без вариантов. После нее в письме повисла незримая пауза – место для ее тихого крика, для стула, отодвинутого в ужасе, для руки, вцепившейся в сердце.

«Но я жива, и у меня все хорошо.»

Срочная, поспешная прививка против отчаяния. Я впихнула в эту строчку всю свою показную, натянутую бодрость. «Жива» – главное. Все остальное вторично. «Все хорошо» – самое большое и необходимое вранье в моей жизни. Оно должно было стать щитом для нее. Если у меня «все хорошо», значит, она может не рвать на себе волосы от беспомощности. Значит, у нее есть хоть какая-то опора.

«Меня зачислили в академию и дали хорошую стипендию.»

Попытка показать, что жизнь здесь имеет структуру, смысл, перспективу. Что я не бродяга в чужом мире, а студентка. Что обо мне позаботились. «Стипендия» – такое земное, понятное слово, символ стабильности. Я вписала его, как гвоздь, которым прибивала к земле эту невероятную реальность, пытаясь сделать ее осязаемой и приемлемой.

«Не переживай за меня.»

Тихое, беспомощное, детское упрасивание. Зная, что она будет переживать каждую секунду. Зная, что эта просьба тщетна. Но я должна была это написать. Должна была дать ей хоть какую-то команду, инструкцию к выживанию в этой новой реальности, где ее дочь существует за пределами досягаемости.

«Я найду способ связаться с вами. Ну или хотя бы писать вам.»

Бросок в темноту. Обещание без гарантий. Соломинка надежды не только для нее, но и для меня самой. Если я пишу, что найду способ, значит, я верю, что он есть. Значит, эта связь – не окончательный разрыв. Слово «хотя бы» выдавало всю шаткость этой надежды, но я оставила его – как честность перед самой собой.

«Люблю вас.»

«Вас» – потому что там был и папа, и сестра. Это была общая, всеохватывающая любовь, мой последний, самый сильный щит, который я могла им отправить. Коротко, без красивостей. По-солдатски. Потому что больше слов уже не было.

«Ваша Лариса.»

И подпись. Не «Лара», к которой я так стремилась, а данное ими имя – Лариса. Полное, настоящее. Возвращение к истокам. В этой подписи была вся капитуляция, вся тоска и вся правда. Это была я – их дочь, какой они меня знали и любили, прощаясь с ними из другого мира.

Я оторвала кончик пера от бумаги. Написанное дышало на столе, живое и ранимое. Каждое слово было выстрадано, каждая буква стоила мне сил. Это был не просто текст. Это была часть моей души, упакованная в строки и отправляемая домой в виде последней, невозможной весточки.

Закончив, я сжала губы, чувствуя, как по щекам катятся предательские горячие слезы. Не удержавшись, я тихо шмыгнула носом. Ревус поднял на меня глаза. Он ничего не сказал, но что-то в его жестком взгляде на мгновение смягчилось, стало почти человеческим.

– Вы закончили?

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить слово.

– Тогда мне нужна ваша кровь. – Я округлила глаза.

– Немного, – продолжил он, как будто это было самым обычным делом. – Чтобы найти канал, по которому смогу перебросить письмо.

Ректор Ревус, не говоря больше ни слова, отодвинул один из ящиков своего монументального стола. Движение было точным и привычным. Ящик открылся беззвучно, скользя на салазках из полированного дерева, и из его темной глубины он извлек небольшой нож.

Предмет этот был не просто инструментом. Он был произведением искусства, мрачным и прекрасным. Ножны были из той же черной, отполированной до зеркального блеска древесины, что и стол, и украшены серебряной насечкой. Но когда он извлек клинок, я задержала дыхание.

Рукоять была из черного дерева, холодного и тяжелого на вид, инкрустированного серебром. Узоры не были просто геометрическими линиями – это были извивающиеся, динамичные языки пламени. Они бежали по рукояти снизу вверх, то сливаясь, то расходясь, и казалось, будто свет в кабинете заставляет серебро мерцать, создавая иллюзию живого огня, застывшего в металле. В основании рукояти, у гарды, пламя образовывало стилизованную букву «R» – вензель, вероятно, самого ректора.

Но главное – лезвие. Оно было не таким, как у обычных ножей. Узкое, как лезвие стилета, не больше сантиметра в самой широкой части, оно сужалось к острию с математической, хирургической точностью. Металл был темным, матовым, поглощающим свет, а не отражающим его, лишь по самому лезвию бежала тончайшая, острая как бритва полоска сияющего серебра. Оно не сверкало – оно *обещало*. Обещало абсолютную, чистую остроту, способную

разделить материю без усилия и боли. Сам клинок казался не куском заточенного металла, а скорее воплощенной идеей разреза, воплощением понятия «острота».

Ревус держал его с небрежной, но полной уважения уверенностью человека, знающего каждую зазубрину и каждый грамм веса своего инструмента. Его пальцы легли точно на насечки между серебряными языками пламени, не закрывая красоты узора.

Затем он поднял на меня свой непроницаемый взгляд и, не произнося больше слов, протянул ко мне другую руку. Не та, что держала нож. Левую. Он протянул ее ладонью вверх. Жест был одновременно и повелительным, и странно открытым. Его ладонь была широкой, с длинными пальцами и четкими линиями, лишенная каких-либо украшений или следов грубого труда, но излучающая скрытую силу. Она лежала между нами как безмолвный алтарь, ожидающий жертвы. Он не схватил мою руку, не попытался силой. Он *предложил*. Давал мне последний шанс проявить волю, согласиться на этот древний и пугающий ритуал добровольно. И в этой его сдержанной, холодной вежливости было что-то более устрашающее, чем любое принуждение.

– Дайте свою руку.

Я, замороженная, протянула ему указательный палец. Он осторожно взял его своими прохладными, сухими пальцами и легчайшим, точным движением проткнул подушечку лезвием. Оно было настолько острым, что я не почувствовала ничего, кроме легкого давления, а затем – теплой струйки крови, побежавшей по пальцу.

Ректор взял небольшой хрустальный сосуд, который я раньше не замечала, и собрал в него несколько капель моей крови. Затем, держа сосуд перед собой, он начал тихо и быстро произносить слова на языке, который я никогда не слышала. Звуки были низкими, гортанными, полными внутренней силы. Наблюдать за этим было одновременно жутко и завораживающе. Это было так необычно, так далеко от всего, что я знала.

Спустя пару минут из сосуда потянулся тонкий фиолетовый дымок, завивающийся в причудливые спирали. Ревус поднес к этому дымку мое письмо. Бумага не загорелась, а словно начала растворяться, таять на глазах, впитываясь в дым, пока не исчезла без следа.

Я, замороженная, смотрела на его теперь пустую руку.

– Как... как узнать, что они его получили? – выдохнула я.

Ректор не ответил сразу. Я уже решила, что он проигнорирует мой вопрос, но он тихо сказал:

– Они его уже получили.

– Как вы узнали? Вы знаете их реакцию? Что с ними? – вопросы посыпались из меня один за другим, смесь надежды и новой тревоги.

Ректор выставил руку ладонью ко мне в спокойном, останавливающем жесте.

– Я не могу ответить вам конкретно на все вопросы. Так как я создал канал перехода, я чувствую и второй его конец. Отдаленно, конечно. Я чувствую... облегчение на той стороне. Волнение и переживания стихли. Вам удалось успокоить своих родных.

Он откинулся на спинку кресла, его лицо снова стало непроницаемым.

– Теперь можете идти обустраиваться. А то не успеете на ужин. Столовая, кстати, тоже на первом этаже.

Я молча кивнула в знак благодарности, встала и вышла. В приемной секретарь подняла на меня взгляд.

– Уже все? – спросила она деловым тоном и протянула мне несколько листов. – Вот ваше расписание и список необходимого для начала обучения.

Я взяла бумаги. Она тут же вернулась к своей работе, а я отправилась на поиски своей башни. К слову, плутать не пришлось. Я спустилась на первый этаж и пошла направо. Дойдя до конца коридора, увидела развилку: направо и налево. Вспомнив указание ректора, я выбрала правый проход.

Зайдя в башню, я оказалась в просторном круглом холле. В центре, за массивным столом, восседала женщина средних лет с усталым, но бдительным лицом и пучком седеющих волос, собранным в тугий узел. Она подняла на меня взгляд поверх очков.

– Новенькая? – спросила она сипловатым голосом.

Я кивнула.

– Ну что ж, новенькая, получай необходимое.

Госпожа Шалле, тяжело вздохнув, как будто выполняя сию обязанность в тысячный раз за долгую карьеру, встала со своего скрипящего кресла. Её массивная фигура в простом темном платье скрылась за дверью в подсобное помещение прямо за её столом. Дверца была низкой, и ей пришлось слегка пригнуться.

Через мгновение оттуда послышался лягз, шуршание и невнятное ворчание, а затем она начала появляться в проеме, вытаскивая за собой целую гору вещей. Это не было организованной выдачей. Это походило на извержение вулкана, извергающего не лаву, а предметы первой академической необходимости.

Я стояла, как вкопанная, и смотрела на растущую на столе передо мной кучу с нарастающим, легким ужасом. Мысли путались: «Куда это всё? Как я это донесу до комнаты? У них тут, что, носильщиков нет?» Вещи формировали хаотичный, но впечатляющий по объему ассортимент.

Сперва на стол легло нечто знакомое – еще один кожаный комплект, точь-в-точь как тот, что был на мне. Его положили с глухим стуком, и я мысленно назвала его «сменным боевым костюмом». Рядом, контрастируя мягкостью, оказался хлопковый комплект для сна: широкие, удобные брюки серого цвета и свободная рубашка-оверсайз из небеленого полотна, пахнущая свежестью и сушкой на ветру.

Затем пошли банки и склянки. Их было с полдюжины, разных размеров и форм, из непрозрачного матового стекла или глазурированной керамики. На одних были вытиснены непонятные символы, на других – крошечные, аккуратные этикетки. Они звенели, соприкасаясь, обещая внутри гели для душа, мыла или что-то более загадочное.

Сверху шлепнулись две «ручки» – точнее, те же изящные деревянные палочки с металлическим наконечником, что давал Ревус. Они лежали, как драгоценные инструменты, рядом со стопкой тетрадей.

А тетради... они были особенными. Их обложки были не из картона или кожи, а из какого-то плотного, слегка упругого материала, отливающего перламутровыми переливами. Цвет менялся в зависимости от угла зрения: с изумрудно-зеленого на сине-фиолетовый, с фиолетового на медный. Будто внутри застыли и переливались масляные пятна. На каждой обложке в углу был вытиснен символ – стилизованное пламя в круге, мой новый факультетный герб.

Завершали комплектацию два больших, грубоватых, но мягких полотенца из того же качественного хлопка и комплект постельного белья. Простыня и наволочки были из плотного, приятного на ощупь льна, а стеганое одеяло в пододеяльнике – легкое, но на удивление теплое, набитое, как позже выяснится, пухом местных птиц, похожих на гусей.

Всё это вместе образовывало не просто «приличный комплект», а целый грузовик личного имущества, которое теперь предстояло как-то унести, обустроить и освоить. Я смотрела на эту кучу, чувствуя, как ответственность и некоторая доля отчаяния тяжелеют у меня на плечах буквально и метафорически. Это был мой стартовый капитал в новом мире. И его физический вес был первым практическим испытанием.

Когда она закончила, то тяжело вздохнула:

– Меня зовут госпожа Шалле. Подходи, как что-то из выданного закончится. Постель меняем раз в неделю, полотенца – тоже. Комната твоя на третьем этаже, номер 306. Живете по двое. В столовую не опаздывать – кормят по графику. Всё поняла?

Я закивала, чувствуя себя перегруженной информацией.

– Спасибо большое.

– Ну, ступай, – буркнула она. – До ужина всего час, а тебе еще книги получить.

Собрав все выданное в неловкую, громоздкую охапку, я потащила к каменной винтовой лестнице, ведущей вверх, в башню. Вещи были разные по форме и размеру: тюк с бельём пытался выскользнуть из-под подбородка, банки в сумке позванивали, тетради угрожающе скользили по гладкой коже куртки. Идти было тяжело даже мне, привыкшей к походным рюкзакам и длинным переходам. Но тяжесть была особая – не ровная нагрузка на плечи, а эта неудобная, разбалансированная ноша, которая тянула в разные стороны и заслоняла обзор.

Я так сосредоточилась на том, чтобы не уронить всё к чертям, и одновременно задумалась о предстоящем: о чужой комнате, о соседке, о тысяче непонятных правил, об учёбе в магической академии, – что пропустила высоту одной из ступенек. Нога, ожидавшая привычного подъёма, наткнулась на каменный выступ, и я резко, нелепо, пошатнулась вперёд. Из-под руки выскользнули и с глухим шлёпком полетели вниз по лестнице две тетради в переливающихся обложках. Я инстинктивно вжала голову в плечи, ожидая неминуемого и болезненного падения вместе со всей своей новой жизнью в виде этой охапки хлама.

Но падение не состоялось. Чья-то сильная, уверенная рука вдруг схватила меня под локоть – не грубо, а точно и крепко, как железный захват. Другая рука легла мне на спину, помогая выровнять центр тяжести и откинуться назад, на устойчивую ступень. Это была поддержка, в которой не было ни секунды колебаний. Я замерла, сбив дыхание, всё ещё не видя спасителя из-за груды вещей перед лицом.

Потом я осторожно наклонила голову, пытаясь заглянуть за баррикаду из тюков. И увидела его.

Спасителем оказался парень. Симпатичный. Лет двадцати с небольшим, не выше меня намного. Его лицо с открытыми, добрыми чертами было теперь на одном уровне с моим. Но больше всего привлекали внимание волосы. Они были русые, цвета спелой пшеницы, коротко стрижены по бокам, но на макушке целая прядь – или даже несколько – непослушно и задорно торчала вверх, будто её только что взьерошил ветер или статическое электричество. Она создавала впечатление лёгкой, немного небрежной энергии. «Наверное, мода такая здесь», – мелькнула у меня быстрая, отвлечённая мысль, пока мозг перезагружался после испуга.

И тогда он улыбнулся. Улыбка появилась не сразу – сначала в его карих, тёплых, как осенний дуб, глазах мелькнула озабоченность: «Всё в порядке?». А потом, убедившись, что я не рухну, а просто стою в ступоре, его губы растянулись в открытой, доброжелательной, чуть смущённой за себя улыбке. В ней не было ни намёка на снисхождение или попытку блеснуть геройством. Была простая, искренняя готовность помочь и лёгкое облегчение, что всё обошлось. Улыбка, от которой вокруг глаз собрались лучики мелких морщинок – знак того, что улыбается он часто и охотно. В этой улыбке, в этом непосредственном взгляде было что-то настолько простое и человеческое после ледяной сдержанности Ревуса и усталой деловитости Шалле, что внутри у меня что-то дрогнуло и невольно расслабилось.

– Осторожнее. Ты новенькая? Давай, помогу?

Я, с облегчением, согласилась. Тащить все это еще целый этаж не хотелось.

– Меня зовут Крис. А тебя?

– Лара, – ответила я, наконец переложив часть вещей в его протянутые руки.

– Здорово, Лара! Значит, будем вместе учиться. Я тоже на первом курсе. Спрашивай, если что – помогу, – его улыбка была такой искренне доброй, что отталкивать его помощь не было резона. Все же, тут нужно с кем-то общаться.

– Да, хорошо. Спасибо. Моя комната 306.

Мы дотащили вещи до двери. Я снова поблагодарила его.

– А то мне еще в библиотеку надо успеть, – вздохнула я, глядя на список.

– Ой, давай я тебе принесу, если хочешь, конечно, – тут же предложил Крис. – А ты пока располагайся.

Я почти сразу согласилась. Тянуть еще и стопку книг не было никаких сил. Я дала ему список из расписания, и он, весело кивнув, убежал, пообещав вернуться через полчаса.

Ну, а я, наконец, вздохнула полной грудью и открыла дверь в комнату 306. Пришло время осваиваться.

Глава 6

Дверь за мной закрылась, и я замерла на пороге, ошеломленная открывшимся видом. В комнате царил такой хаос, что первое мгновение я подумала, не ворвался ли сюда мини-торнадо.

Вещи лежали, сидели и висели везде, где только можно было представить: на обеих кроватях, на стульях, даже часть нарядных тканей примостилась на спинке кресла у окна. Девушка с облаком белых кудряшек металась между шкафом и зеркалом, держа в руках то одно платье, то другое, оживленно бормоча себе под нос:

«Синее? Нет, слишком официально... А это розовое? О, нет, в прошлый раз он сказал, что розовый – это слишком банально...»

Она так увлеченно решала свою дилемму, что даже не заметила моего появления. Когда же наконец развернулась и увидела меня, застывшую с рюкзаком в руках, то резко остановилась, широко раскрыв глаза.

– Ой!

Я пожалала плечами, стараясь выглядеть спокойной.

– Меня к тебе подселили. Лара.

Девушка сразу же улыбнулась, и её лицо озарилось смущенной, но искренней доброжелательностью.

– Прости, я тебя не заметила! Просто... никак не могу определиться, что надеть. После ужина меня позвали на свидание!

Я невольно улыбнулась. Девчонки, оказывается, везде одинаковы – не важно, в каком ты мире. Суэта перед свиданием – универсальный язык.

– Меня зовут Терри, – представилась она, наконец отложив платья на кровать.

– Лара, – повторила я. – Ну, и где моя кровать? – спросила я, оглядывая царящий беспорядок.

Среди этого буйного, пестрого хаоса саму комнату можно было разглядеть лишь с трудом, как сквозь густой туман из шёлка, бархата и разбросанных безделушек. Но когда взгляд цеплялся за детали, проступали чёткие, успокаивающие контуры.

Комната оказалась просторной, явно рассчитанной на двоих без ощущения тесноты. Она была выдержана в светлых, приятных глазу тонах, которые, казалось, сами излучали мягкий свет. Стены – не белые, а тёплого кремового оттенка, как заварной крем, что создавало ощущение уюта даже в беспорядке. Пол был застелен ровными плашками светлого, почти медового паркета, на котором весело резвились солнечные зайчики.

Первое, что поразило, – здесь ничего не отваливалось, не скрипело и не шаталось. Каждая вещь, каждый предмет мебели дышали добротностью и современной, продуманной практичностью. Это был не ветхий чердак и не казарменная обстановка, а жилое пространство, созданное с заботой об удобстве.

Две односпальные кровати с высокими, мягкими изголовьями стояли у противоположных стен, подобно двум тихим гаваням по разные стороны бурного моря комнаты. Между ними, в центре внешней стены, зияло огромное окно – настоящая панорама от пола до самого потолка. Оно было подобно порталу в другой мир, заливая сейчас всё помещение густыми, тягучими лучами заката. Солнце, уже почти коснувшись горизонта, окрасило комнату в янтарные, золотистые и персиковые тона, превращая каждую пылинку в танцующую искру. Этот свет лежал полосами на паркете, цеплялся за спинки стульев и смягчал даже самый неистовый беспорядок.

Прямо под этим величественным окном, купаясь в потоках вечернего света, свободно размещались два письменных стола. Они были одинаковыми – широкими, с вместительными

ящиками и гладкими столешницами, на которых сейчас царил свой, локальный хаос. Но сама их расстановка говорила о продуманности: каждый имел равный доступ к свету и виду, не мешая другому.

Рядом с каждой кроватью, как верные стражи, стояли высокие, вместительные шкафы из светлого дерева. Они были внушительных размеров, с зеркальными дверцами, отражавшими мельтешение Терри и моё ошеломлённое лицо. «Ура, – с глубочайшим облегчением подумала я, – у каждого свой. Делить один шкаф с незнакомкой, чей гардероб явно претендует на всеобъемлющий, точно не захочется». Эта маленькая деталь – личное пространство для вещей – стала первым островком стабильности в этом новом, безумном мире.

И, наконец, в стороне от основной площади, у самого выхода, я заметила ещё одну дверь. Она была скромнее, без украшений. «Вот оно, спасение, – промелькнула мысль. – Видимо, это санузел». Эта дверь обещала возможность уединиться, смыть с себя потрясение дня и привести в порядок хотя бы собственные мысли, если уж не удавалось навести порядок в комнате.

– Ой, да, конечно! – воскликнула Терри. – Вот твоя кровать! – и она принялась сметать с левой кровати груды одежды, скомканных бумаг и каких-то ленточек.

«Отлично, – подумала я, – хоть могу скинуть вещи и начать что-то организовывать».

– Спасибо, – сказала я и двинулась к освобождённому месту.

Положив свой нехитрый скарб – рюкзак, свёрток с формой и пару выданных пакетов – на одеяло, я приступила к разбору. Вещи (их было смешно мало) быстро перекочевали в пустой шкаф. Постельное бельё – простыню, пододеяльник и наволочку из грубоватого, но приятного льна – я ловко расправила на матрасе. Тетради и письменные принадлежности бросила пока на стол – разберусь позже. Достала баночки с непонятными ещё мазями и гелями и, прихватив полотенца, направилась исследовать санузел.

Открыв дверь, я на мгновение застыла на пороге, буквально втянув воздух от неожиданности. Мозг, уже смирившийся с мыслью о бревенчатых стенах, магических факультетах и кожаных комбинезонах, приготовился к чему-то соответствующему – к суровому быту, к аскетичному, почти средневековому укладу.

Но внутри всё выглядело... привычно. До боли. До слёз облегчения. Более чем привычно.

Первое, на что упал взгляд, – это санузел. Вернее, его центральный элемент. Это был унитаз, и в этом не было никаких сомнений. Правда, его форма была немного непривычной – более обтекаемой, плавной, словно его вылепили из фарфора одним мягким движением руки, а не собрали из стандартных деталей. Он не был грубым или примитивным. Напротив, в его линиях угадывалась своя, чуть инопланетная эстетика. Но самое главное – он явно и недвусмысленно выполнял свою основную функцию. Это был не дырявый скворечник в углу двора, не вонючее ведро и не дыра в полу. Это была цивилизация в самом её базовом, но таком важном проявлении.

Прямо по курсу, напротив входа, располагалась раковина. Широкая, глубокая, из белоснежной керамики с матовым покрытием, на котором даже не было ни намёка на скол или потёртость. Над ней, в простой хромированной рамке, висело большое, идеально чистое зеркало. В нём отразилось моё собственное изумлённое лицо, бледное, с огромными глазами. Всё это сияло девственной чистотой и пахло не хлоркой, а лёгкой, свежей цитрусовой отдушкой.

А потом взгляд скользнул вглубь, правее. И там... там, за прозрачной стеклянной перегородкой от пола до потолка, сияла хромом и белоснежным кафелем современная душевая кабина. Это был не угол, занавешенный клеёнкой, не жестяной таз и не каменная ниша с желобом для стока. Это была полноценная, стильная кабина. Лейки не было в привычном понимании вода льется сверху как в некоторых современных душевых, смеситель с аккуратными рычагами, нескользкий поддон, ниша для гелей и шампуней. Всё сверкало, будто только что из магазина.

Этот вид стал для меня не просто неожиданностью. Это был мощный, почти физический удар по моей готовности страдать и преодолевать бытовые лишения. Это говорило: «Ты не в пещере. Ты не в прошлом. Здесь ценят удобство. Здесь есть технологии. Ты не будешь мучиться». И в этом знакомом сиянии фарфора и хрома вдруг таяла часть леденящего страха перед неизвестностью. Если здесь есть такое, значит, и остальное – магия, другие миры – как-то уживается с простым человеческим желанием помыться в горячей воде под хорошим напором. Это было маленькое, но такое важное доказательство того, что я попала не в дикий, а в развитый мир. Пусть и чужой.

«Надо же, – с облегчением подумала я, – можно сказать, дома». Я мысленно готовилась к худшему: к ношению воды вёдрами, корыту в углу, общему туалету в конце коридора. Этот тёплый, чистый, пахнувший свежестью санузел поднял мне настроение как ничто другое. В душевой кабине полочки были поделены на две части. Я заняла пустую левую, разложив свои скромные принадлежности, и вышла обратно.

В комнате меня уже ждала Терри, устроившаяся на своей кровати. Я почувствовала на себе её любопытный, изучающий взгляд, но мне отчаянно не хотелось сейчас пускаться в душевные излияния. «Может, потом», – промелькнуло в голове.

Видимо, она почувствовала мой закрытый настрой и, чтобы разрядить обстановку, заговорила первая.

– Я местная, – сказала она. – Из города Дальвен. Он в дне пути отсюда, если на дилижансе. Мне так повезло, что меня приняли сюда! Это самая лучшая Академия во всём королевстве. Их всего четыре, знаешь ли – по две на королевство. Две у людей и две у драконов.

Я застыла с полотенцем в руках, не веря своим ушам.

– Подожди... что? – переспросила я, прочищая горло. – Драконов??

Я ещё не до конца осознала, что нахожусь в другом мире, но чтобы здесь ещё и драконы...

Терри снова смущённо улыбнулась.

– Я так и думала, что тебе ничего толком не объяснили. Ну, ничего, всё узнаешь. Что-то я расскажу, остальное – в процессе.

Я лишь молча кивнула, ощущая, как почва уходит из-под ног уже не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Казалось, я проваливаюсь в какую-то бездну новых, немислимых фактов. Голова гудела от перегрузки. Драконы. Королевства. Академии магии. Каждое слово Терри било, как молот, отковывая новую, невероятную реальность, в которой мне предстояло жить. Как же много, оказывается, мне ещё предстоит узнать. Не просто адаптироваться, а выучить с нуля целую вселенную – её законы, историю, угрозы и возможности. От этой мысли захватывало дух и одновременно становилось страшно до тошноты.

И в этот момент абсолютной когнитивной перегрузки я с неожиданной остротой осознала: слава всем местным богам (или чему там они поклоняются), что попалась такая добрая и болтливая соседка. Не замкнутая и подозрительная, а именно такая – открытая, болтливая, готовая вывалить на тебя кучу информации, даже не спросив, готов ли ты её принять. Её болтовня была теперь не раздражающим шумом, а спасительным маяком, первым грубым, но понятным наброском карты этого нового мира. Пусть она говорила о долгах отца и удачных партиях, но сквозь это проступали очертания общества, его ценности и подводные течения.

Мой взгляд, оторвавшись от внутренней пропасти, снова сфокусировался на ней. И я не могла не отметить про себя: выглядела она как живая куколка. Её волосы цвета слоновой кости были не просто светлыми – они были густыми, роскошными, сплошным облаком мелких, идеальных колечек и локонов, которые, казалось, только что были уложены мастером в самом дорогом салоне. При каждом её движении, при каждом повороте головы, эти кудри весело пружинили, живые и упругие, словно сотканые из солнечного света и шёлка. На них хотелось смотреть без остановки, замороженно следя за их упругой динамикой.

Её кожа была не просто светлой, а почти фарфоровой – гладкой, полупрозрачной, будто её никогда не касалось жаркое солнце. И на этом нежном фоне, будто россыпь золотистой пыли, рассыпались по переносице и скулам веснушки. Они не были дефектом, не пятнышками, которые хочется скрыть. Напротив, они лишь добавляли очарования, делая её лицо живым, непосредственным, тёплым. Каждая веснушка казалась крошечной отметиной солнца, частичкой лета, прилипшей к этому фарфоровому созданию.

Из всего того хаотического моря тканей, что наводняло комнату, она в итоге выбрала сиреневое платье в пол. Оно было сшито из лёгкой, струящейся ткани, которая не утяжеляла её, а обволакивала воздушным силуэтом. С каждым её шагом ткань мягко колыхалась, и она казалась невесомой феей, случайно залетевшей в студенческое общежитие из какой-то лесной сказки. В этом платье, со своими пружинящими кудрями и веснушчатым личиком, она была воплощением беззаботной, немного наивной, но неотразимо милой женственности.

«Думаю, свидание удастся», – подумала я, и в этой мысли была не зависть, а скорее лёгкая, усталая ирония, обращённая ко всему абсурду ситуации. В каком бы фэнтезийном мире я ни оказалась, какие бы драконы ни летали за окном, базовые человеческие сценарии – предсказательная паника, желание понравиться, надежда на удачный вечер – оставались удивительно неизменными. И в этом был странный, приземляющий уют. Даже здесь, среди магии, можно было волноваться из-за платья.

Я уже собралась задать десяток вопросов про тех самых драконов, как в дверь постучали. Я пошла открывать.

На пороге стоял Крис. Увидев меня, он широко улыбнулся и поднял в руках внушительную стопку книг и тетрадей.

– А вот и твои книги, – объявил он. – Основные учебники и конспекты за прошлый месяц.

– Спасибо огромное, – искренне сказала я, принимая тяжёлую ношу. – Я бы одна их ни за что не донесла, это точно.

Я отнесла книги к своему столу, и они с глухим стуком заняли половину его поверхности.

– Проводить тебя в столовую? – предложил Крис.

– Да, давай, – согласилась я. Есть в одиночестве в первый же день совсем не хотелось.

Я повернулась к Терри, которая с хитрым интересом наблюдала за нами из-за спинки кресла. – Ты с нами?

Она энергично замахала рукой.

– Нет-нет, за мной должны зайти, я же говорила!

– Угу, – сказала я, и мы с Крисом вышли без неё.

Столовая, как выяснилось, располагалась слева от главного холла, за широкой стрельчатой аркой, над которой висела элегантная табличка со стилизованным изображением рога изобилия и хлебного колоса. Библиотека, соответственно, находилась по правую руку, и её дверь, напротив, украшал символ раскрытой книги и пера. Всё было продумано и легко запоминалось – не нужно было блуждать по запутанным коридорам в поисках жизненно важных точек. Архитектура этого места, казалось, читала мысли первокурсника: вот ты вышел из своего крыла, перед тобой – центральное пространство, а ключевые места как на ладони. Это придавало странное чувство уверенности, будто тебя уже ждали и позаботились о твоей дезориентации.

Но все логичные догадки и чувство облегчения смяло, когда я переступила порог столовой. Она поразила своими размерами. Это было не просто помещение – это был целый павильон, огромное, светлое пространство, которое, казалось, могло бы вместить в себя спортзал моей старой школы вместе с актовым залом. Высокие потолки, уходящие вверх на добрых три-четыре метра, были перекрыты ажурными деревянными фермами, между которых мягко светились матовые сферы магических светильников, испускавших ровный, дневной свет. Стены

из светлого камня были прорезаны рядами таких же огромных окон, как и в комнате, и сейчас в них горело багровое зарево заката, окрашивая одну часть зала в тёплые, драматические тона.

А в центре этого величественного зала, упорядоченными рядами, стояло бессчётное количество столов. Они были одинаковыми – добротными деревянными прямоугольниками, рассчитанными ровно на четверых. Их было так много, что они терялись в перспективе, сливаясь в некий шахматный узор, уходящий к дальним стенам. Пустые сейчас стулья, аккуратно задвинутые, напоминали о тишине, которая должна была здесь царить, но уже уступала место новому звуку.

Народ постепенно подтягивался. Студенты текли через арку ручьями и отдельными струйками, наполняя зал не просто шумом, а сильным, многослойным гулом голосов. Это был низкий, насыщенный гул сотен разговоров, смешавшихся в единую симфонию бытия этого места: где-то звенел смех, перекрываемый спортивным возгласом, перекрикивались друзья через несколько столов, слышался мерный гул обсуждения какой-то лекции, звон посуды у линии раздачи. Звук отражался от высоких потолков и каменных стен, создавая живой, пульсирующий звуковой ландшафт. Воздух уже начинал наполняться теплыми, сложными запахами еды – пряностями, свежим хлебом, тушеным мясом. Это пространство, одновременно грандиозное и утилитарное, говорило само за себя: здесь кормят армию. Армию учеников, магов, искателей. И в этом гуле, в этом масштабе я снова ощутила и свою ничтожную малость, и странное, щемящее чувство принадлежности к чему-то огромному и кипящему жизнью.

– Пойдём, а то всё самое вкусное разберут, – подмигнул Крис, и мы направились к линии раздачи.

За столами, у огромных котлов и противней, трудились три дородные, добродушного вида женщины. Выбор еды был впечатляющим: от нескольких видов каш и тушёных овощей до рубленых котлет, запечённой рыбы и салатов. Я выбрала тушёные овощи с незнакомым, но аппетитно пахнущим мясом, взяла кружку травяного чая и ещё тёплую булочку. Крис уже ждал меня с подносом, который был буквально завален едой: тут были и котлеты, и каша, и пирожок, и салат. Я не удержалась и улыбнулась.

– И ты всё это съешь?

Он не обиделся, а лишь самодовольно хмыкнул:

– Я молодой, растущий организм. Мне нужно много топлива для магии и учёбы.

Мы засмеялись и пошли искать свободный столик у окна.

Мы болтали ни о чём и обо всём сразу. Эта беседа была похожа на лёгкий, быстрый танец – мы перескакивали с темы на тему, не углубляясь, но и не скользя лишь по поверхности. Она была тем спасительным мостиком нормальности, который так нужен был после шквала откровений от Терри.

Инициативу взял на себя Крис. Отодвинув пустую тарелку, он облокотился на стол, и его выражение лица сменилось с простодушно-голодного на сосредоточенно-деловитое. Он стал рассказывать о преподавателях, и его рассказ был для меня дороже любой официальной памятки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.